Илон Марс

Последний шанс

GromStali

Grom Stali

Илон Марс

«Автор»
2026

Stali G.

Илон Марс / G. Stali — «Автор», 2026

Ему 95. Он построил империю, перевернул автопром и заново научил человечество смотреть в небо. У него есть миллиарды, власть и мировая слава — но нет времени. Когда врачи отмеряют последние месяцы, Илон Маск принимает решение, которое назовут безумием: он покупает билет в один конец и лично поднимается на борт «Старшипа».«Илон Марс» — это захватывающая драма о человеке, который отказался умирать в постели. Семь месяцев в ледяной пустоте космоса, отказ систем, бунт на борту и призраки прошлого, от которых не скрыться даже за миллионы километров от Земли.Он всю жизнь мечтал подарить людям новую планету, но теперь ему предстоит главное испытание: дожить до посадки, ступить на красный песок и доказать, что мечты сильнее смерти. Ведь у великих людей не бывает финала — у них бывает только новый горизонт.

© Stali G., 2026
© Автор, 2026

Grom Stali
Илон Марс

Глава 1: Последний синий рассвет

Эпизод 1: Тяжесть

В свои девяносто пять лет Илон Марс почти не чувствовал земную гравитацию как физический закон — она казалась ему личной обидой, стокилограммовым сырым одеялом, которое старая планета набросила на его исхудавшее тело, отчаявшись удержать у себя. Каждый вдох давался с трудом, кости запястий походили на сухие ветки саксаула, а сердце билось в неровном, затухающем ритме, словно старый дизельный генератор, у которого заканчивалось топливо. Земля забирала его по частям, день за днем, но он не собирался отдавать ей свой финал.

В стерильном медицинском боксе, расположенном у самого основания пусковой башни Мехазиллы на космодроме Бока-Чика, пахло озоном, спиртом и жидким азотом. Сквозь огромное трехслойное панорамное стекло Илон смотрел на горизонт. Там, где песчаные дюны Южного Техаса встречались с грязно-зелеными волнами Мексиканского залива, горел жидким золотом предрассветный туман. Но старик смотрел выше.

Прямо перед ним, уходя в блеклое небо на сто двадцать метров, высился матовый силуэт «Итаки» — флагманского корабля Starship версии V3. Её корпус из ультрасовременного сплава нержавеющей стали, отполированный до зеркального блеска, сейчас казался живым организмом. От дренажных клапанов ускорителя Super Heavy с глухим, утробным шипением отходили плотные белые клубы испаряющегося жидкого кислорода. Вокруг «Итаки», сколько хватало глаз вдоль береговой линии, на специально возведенных стартовых столах застыли еще сорок таких же стальных титанов. Первая волна. Великий исход. Первая тысяча человек, готовая навсегда закрыть за собой дверь земного дома.

На памяти Илона его настоящую фамилию — Маск — мир забыл еще в середине 2040-х годов. Сначала журналисты ведущих агентств начали в шутку называть его «Илоном Марсом» за маниакальную одержимость Красной планетой. Затем эту метафору подхватили учебники по истории космонавтики, а теперь это имя было официально вбито в его международный биометрический паспорт и полетный манифест SpaceX. Он не возражал. Он отдал этой планете всё: свои безумные миллиарды, четыре брака, здоровье, молодость и покой. Он перекроил мировую индустрию, заставив человечество снова смотреть вверх, а не под ноги. И теперь, когда Земля корчилась в судорогах климатического кризиса и бесконечных локальных войн за пресную воду, у него оставался последний, финальный аккорд.

— Илон, показатели вашей систолической активности нестабильны. Давление сто шестьдесят на сто десять, — негромко произнес доктор Марк Вэнс, ведущий хирург миссии, не отрывая взгляда от прозрачного планшета. — При старте ускоритель выдаст перегрузку почти в пять единиц. Ваши сосуды просто не выдержат перехода на орбитальную траекторию. Мозг зальет кровью в первые тридцать секунд после отрыва. Подумайте еще раз. Останьтесь в бункере Управления. Вы заслужили право руководить этим триумфом из самого безопасного места на Земле.

Илон медленно, преодолевая сопротивление шейных позвонков, повернул голову к врачу. Его глаза, глубоко запавшие и окруженные сеткой старческих морщин, внезапно блеснули тем самым резким, пугающим, фанатичным огнем, который когда-то, в далеких двухтысячных, заставлял инвесторов дрожать, а инженеров — работать по сто часов в неделю.

— Если я останусь здесь, Марк, — голос 95-летнего патриарха был тихим, похожим на шелест сухой травы, но в нем звенела сталь, — я умру в госпитальной постели через три-четыре месяца. Буду лежать под капельницами, захлебываясь этим тяжелым, влажным земным воздухом, и смотреть, как мои корабли улетают без меня. Это худшая смерть, которую

ты можешь мне предложить. Там, — он слабо ткнул костлявым пальцем в сторону потолка, — на Марсе, гравитация составляет всего тридцать восемь процентов от земной. Для моего сердца это будет курорт. Мой экзоскелет справится. Либо я сгорю в верхних слоях атмосферы через десять минут, либо я проживу еще лет десять в куполах равнины Утопия и увижу, как зазеленеет первая марсианская рожь. Включай медицинскую стимуляцию, Марк. Мы летим. Времени больше нет.

Доктор Вэнс тяжело вздохнул, понимая, что спорить с человеком, который в одиночку сдвинул с места застрявшую в колыбели цивилизацию, абсолютно бесполезно. Он нажал кнопку на панели управления. С тихим жужжанием сервоприводов вокруг тела Илона сомкнулись жесткие карбоновые дуги медицинского экзоскелета четвертого поколения. Этот внешний скелет был интегрирован прямо в белоснежный, облегающий скафандр SpaceX. Костюм выглядел изящно, как одежда для футуристического кино, но его внутренний слой состоял из сложнейшей матрицы датчиков, нанонасосов и противоперегрузочных камер, способных искусственно сжимать конечности, чтобы удерживать кровь в верхней половине тела.

Через пятнадцать минут роботизированная платформа бережно перенесла кресло-капсулу с Илоном Марсом через гермозатвор верхнего жилого яруса «Итаки». Корабль внутри напоминал нечто среднее между отсеком стратегической атомной подлодки и высокотехнологичным общежитием. Пространство было рассчитано на тридцать человек: тридцать глубоких углепластиковых кресел, расположенных концентрическими ярусами вокруг центральной технической шахты. Повсюду виднелись экраны с бегущими строками зеленой и синей телеметрии.

Справа и слева от Илона свои места занимали колонисты первой волны. Это были молодые тридцатилетние мужчины и женщины — лучшие из лучших. Инженеры-гидропоники, способные вырастить сад на бесплодном реголите, операторы тяжелых плазменных буровых установок, специалисты по ядерным микрореакторам, генетики и хирурги. Они усаживались в свои ложементы в полной тишине, бережно затягивая пятиточечные ремни безопасности. Когда они замечали в центральном кресле сгорбленную фигуру основателя, их лица менялись. В глазах этих прагматичных, циничных технократов двадцать первого века читалось нечто, похожее на религиозный трепет. Они понимали: старик не просто отправляет их на убой в ледяную пустыню, он ложится в этот гроб вместе с ними.

Лео, молодой тридцатилетний пилот-командир «Итаки», сидевший чуть впереди Илона, обернулся и проверил надежность крепления кабелей жизнеобеспечения на груди старика.

— Все системы корабля в норме, сэр, — доложил Лео, стараясь, чтобы его голос не дрожал от волнения. — Топливные баки Super Heavy заправлены сверхохлажденным метаном и жидким кислородом под завязку. Автоматика SpaceX подтверждает готовность всей флотилии. Сорок кораблей Бока-Чика на связи. Космодромы на Мысе Канаверал и на плавучих платформах в Тихом океане ждут нашего сигнала. Всего сегодня стартует триста четыре борта.

Илон закрыл глаза под прозрачным забралом шлема. Его дыхание, транслируемое в динамики рубки, было прерывистым. Нейроинтерфейс, вживленный в его затылочную кость десять лет назад, напрямую транслировал в его сознание общую картинку космодрома. Он видел всю береговую линию Техаса с высоты птичьего полета через внешние камеры башен. За зоной оцепления, на расстоянии двадцати километров от стартовых столов, стояли палаточные города. Миллионы людей — те, кто не попал в списки, те, у кого не хватило квалификации или здоровья — пришли проводить Флагманский флот. В утреннем тумане горели экраны их смартфонов и планшетов. Они провожали улетающих со смесью жгучей зависти, страха и надежды. Для них эти стальные ракеты были новейшими ковчегами, уносящими семена человечества прочь от умирающей Земли.

— Говорит основатель, — произнес Илон Марс. Его голос, усиленный цифровыми фильтрами, мгновенно раздался в шлемофонах тысяч колонистов по всему земному шару, в рубках

кораблей и в залах Центров управления полетами. — Земля была отличной колыбелью для нашего вида. Но нельзя всю жизнь проводить в колыбели, особенно когда в ней заканчивается место и воздух. Мы уходим не потому, что это легко, а потому, что это единственный способ выжить. Зажгите эти чертовы двигатели. Встретимся на той стороне.

— Принято, «Итака», — отозвался далекий голос ИИ Центра управления. — До пуска тридцать секунд. Включить водяное подавление звука.

За толстыми стальными стенами жилого отсека раздался нарастающий, оглушительный рев. Тысячи тонн пресной воды хлынули под массивный стартовый стол, чтобы принять на себя колоссальную акустическую волну, способную в противном случае разрушить конструкцию корабля еще до отрыва.

Илон глубже вдавился в ложемент. Девяносто пять лет его долгой, яростной жизни сжались в эту последнюю точку.

— Три... Две... Одна... Пуск.

Мир вокруг перестал существовать, превратившись в сплошной, первобытный хаос. Тридцать три двигателя Raptor, работающие на полную мощность, выдали безумные семь с половиной тысяч тонн тяги. Илон почувствовал, как невидимая многотонная бетонная плита перегрузки со страшной силой рухнула ему на грудную клетку, мгновенно выдавливая весь воздух из легких. Медицинский экзоскелет натужно, со скрипом загудел, его гидравлика сжалась до предела, пытаясь уберечь ребра старика от переломов. В глазах Илона мгновенно потемнело, периферийное зрение сузилось до крошечной светящейся точки в центре — феномен «туннельного зрения» при острой нехватке кислорода в мозге. Кабели нейроинтерфейса бешено пульсировали, впрыскивая в его кровь ударные дозы адреналина и искусственных стимуляторов, заставляя угасающее сердце делать удар за ударом.

«Итака» застонала. Сто двадцать метров стали и композитов вибрировали с такой частотой, что информационные дисплеи перед глазами колонистов размылись в сплошные, нечитаемые светящиеся полосы. Это не была хаотичная тряска — это была упорядоченная, страшная пульсация контролируемого ядерного микровзрыва, толкающего махину вверх.

Сквозь узкий иллюминатор правого борта Лео видел, как стремительно уходит вниз, растворяясь в утренней дымке, плоская техасская земля. Скорость росла с пугающей прогрессией: один мах, два, три... Корабль пробивал плотные слои атмосферы, оставляя за собой огненный плазменный хвост длиной более километра. Гравитация Земли держала их изо всех сил, цепляясь за каждый килограмм веса, но стальной флот Илона Марса метр за метром разрывал эти путы. Они уходили в пустоту. Впереди были шесть месяцев ледяной тишины, космической радиации и неизвестности. Великая космическая Одиссея началась.

Эпизод 2 Легкость

Тяжесть исчезла внезапно, словно лопнувший стальной трос.

После почти четырех минут нечеловеческого давления, когда тридцать три двигателя Raptor выжимали из планеты последние капли кинетической энергии, наступила оглушительная, пугающая тишина. Автоматика SpaceX отсекла подачу топлива в баки первой ступени точно на высоте семидесяти пяти километров. Калейдоскоп безумной вибрации прекратился в одну миллисекунду.

Илон Марс почувствовал, как его тело, только что весившее почти полтонны под воздействием перегрузки, плавно оторвалось от гелевого ложемента. Если бы не пятиточечные ремни безопасности и жесткие захваты карбонового экзоскелета, он бы просто всплыл к потолку жилой капсулы. Из его легких вырвался хриплый, судорожный вздох — первый полноценный вздох за последние несколько минут.

— Всем экипажам, говорит командир «Итаки», — голос Лео в шлемофонах звучал тяжело, пилот все еще тяжело дышал, восстанавливая зрение после перегрузки. — Главное

выключение двигателей (MECO) подтверждено. Находимся на переходной суборбитальной траектории. Готовимся к разделению ступеней. Дик, проверь состояние Основателя.

Герметичный подголовник кресла Илона мягко повернулся, и перед его глазами возникло лицо бортового врача Дика Вэнса. Тот уже отстегнул свои ремни и теперь, нелепо перебирая руками по потолочным поручням, парил над креслом Илона, напоминая огромную белую рыбу в аквариуме. Дик быстро поднес диагностический сканер к прозрачному стеклу шлема старика.

На внутреннем дисплее Илона замелькали цифры. Пульс — 142 удара в минуту. Давление постепенно падало, но микроразрывы сосудов в сетчатке глаза уже окрасили его белки в пугающий багровый цвет. Старик выглядел изможденным, его бледная кожа казалась почти прозрачной под диодным освещением кабины, но он слабо, едва заметно кивнул.

— Я в порядке, Дик... — прошептал Илон. Цифровой микрофон очистил его голос от свиста кислородных нагнетателей. — Бывало и хуже. В 2024-м, когда четвертый полет Starship едва не сгорел над Индийским океаном... Мой пульс был выше. Не отвлекайся. Следи за телеметрией разделения. Это самый критический момент.

За панорамными иллюминаторами «Итаки» развернулась картина, которую человечество еще никогда не видело в таких масштабах. Земля внизу уже потеряла свои привычные очертания и превратилась в колоссальный, выгнутый дугой сине-черный щит, окутанный тончайшей, едва заметной прослойкой атмосферы. На этой синей глади, прямо над Атлантикой, золотом горели утренние облака. Но космос вокруг корабля не был пустым.

Справа и слева, на расстоянии всего нескольких километров друг от друга, параллельными курсами шли еще сорок кораблей техасской флотилии. Их полированные стальные бока отражали безжалостный, не прикрытый атмосферой солнечный свет. Они походили на стаю гигантских серебряных китов, выпрыгнувших из океана Земли в черные воды космоса.

— Внимание, разделение через пять, четыре, три... — монотонно отсчитал ИИ корабля.

Вместо привычных для старой космонавтики пироболтов, которые с грохотом отрывали ступени друг от друга, SpaceX использовала механическую систему динамического сдвига. Корабль и ускоритель Super Heavy качнулись. Механические замки, удерживавшие стодвадцатиметровую конструкцию вместе, с сухим щелчком разомкнулись.

В ту же секунду «Итака» активировала свои маневровые двигатели, работающие на сжатом газе, слегка подталкивая нос вверх. Огромный, семидесятиметровый цилиндр первой ступени Super Heavy начал медленно, плавно проваливаться вниз, в сторону Земли. На его вершине, вокруг переходного кольца, все еще тлели остатки несгоревшего метана.

Илон через нейроинтерфейс переключился на внешнюю камеру хвостового отсека. Он хотел видеть это сам. Девяностопятилетний инженер внутри него ликовал, глядя на безупречную работу автоматики. Стальной цилиндр ускорителя, падая в бездну, внезапно ожил. Его решетчатые рули — огромные титановые «плавники» на верхней части корпуса — начали резко, синхронно перекладываться из стороны в сторону, ловя первые, самые разреженные слои атмосферы. Нижние двигатели Raptor дали короткий, ослепительный импульс разворота. Первая ступень возвращалась домой. Там, внизу, на побережье Бока-Чика, гигантские стальные руки башни Мехазиллы уже разводились в стороны, готовые поймать этот многотонный кусок стали прямо в воздухе, чтобы через несколько часов заправить его и отправить в небо следующий корабль.

— Разделение успешно! — доложил Лео. — Включить вакуумные двигатели Starship.

Три атмосферных и три вакуумных двигателя Raptor, расположенных в основании «Итаки», отозвались ровным, глубоким басом. Это не было похоже на яростный взрыв первой ступени. Вакуумные «Рапторы» с их огромными соплами работали мягко, создавая постоянное, комфортное ускорение в 1.5g. Земная тяжесть вернулась, но теперь она была легкой, почти

незаметной — именно такой, какая ждала Илона на Марсе. Корабль начал окончательный разгон для выхода на стабильную круговую орбиту с апогеем в триста пятьдесят километров.

В жилом отсеке послышались первые вздохи облегчения. Колонисты, сидевшие на нижних ярусах, начали переглядываться. Кто-то тихо ругался от избытка адреналина, кто-то закрыл лицо руками, молясь богам, в которых не верил еще сегодня утром.

Аня, сидевшая на третьем ярусе, повернула голову к Илону. Её скафандр был покрыт мелкими каплями пота, а пальцы все еще судорожно сжимали поручни кресла.

— Мы сделали это, сэр? — спросила она, всматриваясь в багровые глаза старика. — Мы действительно оторвались?

Илон Марс медленно поднял руку в тяжелой перчатке и нажал кнопку на левом запястье, разблокируя замки своего экзоскелета. Металлическая рама с тихим щелчком разошлась, освобождая его грудную клетку. Он посмотрел на Аню, затем перевел взгляд на главный обзорный экран, где черная пустота космоса постепенно поглощала синеву Земли.

— Нет, Аня, — тихо ответил он, и его глубокий, усталый голос заставил замолчать всю кабину. — Мы просто вышли на крыльцо нашего старого дома. Настоящий поход начнется тогда, когда мы развернем тепловые щиты и зажжем двигатели в сторону Красной планеты. А пока — добро пожаловать на орбиту. Земля официально закончилась.

Корабль совершил последний толчок и затих. Двигатели отключились. «Итака» вышла на круговую орбиту Земли. Впереди у первой волны переселенцев были трое суток напряженной работы: им предстояло встретиться с орбитальными танкерами SpaceX, заправить баки до максимума и дождаться, пока все триста четыре корабля выстроятся в единый походный ордер для великого прыжка через бездну.

Эпизод 3: Топливо для бездны

Орбита не была местом для отдыха; она была гигантской, конвейерной сборочной линией, работающей на скорости двадцать семь тысяч километров в час. Как только «Итака» стабилизировала свой курс на высоте трехсот пятидесяти километров, жилой отсек превратился в муравейник. Невесомость, которая в кино кажется легкой и романтичной, на практике встретила колонистов жестоким ударом по вестибулярному аппарату.

Кабину заполнили звуки, которые не принято афишировать в победных отчетах пресс-службы SpaceX: тяжелое дыхание, приглушенные стоны и шорох пластиковых гигиенических пакетов. Молодые, физически крепкие инженеры и бурильщики, прошедшие центрифуги в Юте, теперь бледнели и цеплялись за поручни. Их подсознание бунтовало против отсутствия понятий «верх» и «низ». Жидкие среды в организмах перераспределялись, вызывая приливы крови к голове, из-за чего лица колонистов казались припухшими, а глаза — налитыми кровью.

На этом фоне девяностопятилетний Илон Марс выглядел пугающе стабильным. Его тело, лишенное разрушительного гнета земной гравитации, парадоксальным образом расслабилось. Экзоскелет, переведенный в режим микрокоррекции, мягко удерживал его суставы, а нейроинтерфейс непрерывно корректировал химический состав крови, вводя микродозы препаратов против кинетоза напрямую в сонные артерии. Старик парил в своем командирском ложементе, зафиксированный лишь тонкими магнитными зажимами на бедрах. Его бледные руки уверенно скользили по сенсорным панелям, вытягивая из общей сети SpaceX данные о координатах заправочных бортов.

— Внимание экипажу, — скомандовал Лео, удерживая себя в пилотском кресле с помощью ножных ремней. — Подтвержден захват танкера 14. Начинаем процедуру стыковки «хвост к хвосту». Всем занять свои места и зафиксировать плавающие предметы. Перекачка криогенных компонентов — это вам не шутки. Если металлический затвор даст течь, мы превратимся в ледяные скульптуры за доли секунды.

Через нижний обзорный блиндаж, расположенный под техническим настилом жилой зоны, Илон наблюдал за приближением автоматического заправщика. Это был такой же

Starship, но лишенный иллюминаторов, крыльев и жилых палуб — сплошной летающий резервуар, доверху забитый сверхохлажденным жидким метаном и кислородом. Танкер приближался со стороны ночной тени Земли, его силуэт подсвечивался лишь редкими вспышками маневровых микродвигателей холодной тяги.

Стыковка двух стодвадцатиметровых махин в вакууме — операция, доведенная автоматикой SpaceX до абсолютного автоматизма за последние тридцать лет, но от этого не ставшая менее опасной. Корабли должны сойтись своими кормовыми частями, где расположены массивные топливные магистрали и силовые замки. Ошибка в расчете скорости сближения всего на несколько сантиметров в секунду могла привести к тому, что двигатели одного корабля протаранят днище другого.

Илон чувствовал эту стыковку всем своим существом через нейроинтерфейс, который транслировал телеметрию стыковочного кольца прямо в его слуховую кору в виде нарастающего ультразвукового писка. Писк становился всё чаще... ближе... сильнее.

Щелк.

Глухой, тяжелый металлический удар прошел по всему корпусу «Итаки». Это сработали массивные защелки гидравлических замков. Корабль и танкер стали единым целым. Почти сразу же по трубам, проходящим через центральную шахту жилого отсека, разлился характерный низкий гул и легкая, леденящая вибрация. Тысячи тонн жидкого кислорода при температуре минус сто восемьдесят три градуса Цельсия и метана при минус ста шестидесяти одном начали под огромным давлением перетекать в пустые баки «Итаки». Металл обшивки в районе грузовой палубы мгновенно отозвался сухим треском температурного сжатия.

— Перекачка пошла, — доложила Аня, бледная, с привязанным к запястью гигиеническим пакетом, но упорно контролирующая показатели давления на своем терминале. — Нам нужно четыре полных заправщика, чтобы заполнить баки «Итаки» для марсианского транзитного маневра (TMI). Скорость потока — сорок тонн в минуту.

— Экономьте время, — прохрипел Илон, не открывая глаз. — Орбитальное окно не будет ждать. На теневой стороне Земли уже выстраивается ордер. Лео, выведи на главный проектор общую карту группировки. Я хочу видеть наш флот.

Пилот коснулся центральной консоли, и над ними, в центре круглого жилого отсека, развернулась огромная трехмерная голографическая карта околоземного пространства. Колонисты, забыв про тошноту и слабость, приподняли головы от своих подушек.

Вокруг планеты Земля, которая сейчас казалась колоссальным темным диском, окаймленным сияющим неоновым ободком атмосферы, горели тысячи мелких синих точек. Это не были спутники связи Starlink — это были пилотируемые корабли Starship и их автоматические заправщики. Триста четыре тяжелых транспортника первой волны Великого Исхода выстраивались в гигантскую, растянувшуюся на тысячи километров пространственную решетку. Они напоминали сияющие наконечники копий, нацеленные в одну точку пространства — туда, где сквозь черноту космоса зловещей красной искрой горел Марс.

Это был самый грандиозный флот, когда-либо созданный человечеством. На этих кораблях находились не просто люди, там летели заводы по производству азотных удобрений, разобранные детали ядерных электростанций, миллионы семян земных растений, замороженные эмбрионы скота и терабайты цифровой памяти, хранящей всю историю, культуру и науку земной цивилизации.

Илон Марс смотрел на это сияющее созвездие искусственных звезд, и в его душе поднималась волна яростного, почти молодого торжества. Его безумная идея, над которой смеялись политики, которую считали утопией экономисты в далеком двадцатом веке, теперь двигалась по орбите Земли. Земля оставалась позади — со всеми её долгами, высохшими реками, радиоактивными зонами и старыми обидами. Они забирали лучшее, что у нее было, чтобы дать этому шанс на новой, чистой почве.

— Смотрите на них, — тихо сказал Илон экипажу, указывая на голограмму флота. — Это больше не собственность SpaceX. Это не американские, не китайские и не европейские корабли. Это первые кирпичи новой цивилизации. Через сорок восемь часов эти баки будут полны. И когда мы включим двигатели, пути назад уже не будет. Ни для нас, ни для истории.

В этот момент «Итака» вышла из тени планеты. Сквозь иллюминаторы ворвался резкий, ослепительный солнечный свет, заставив автоматические светофильтры стекол мгновенно потемнеть до густого фиолетового оттенка. Топливные магистрали продолжали гудеть, наполняя стальное чрево корабля энергией для прыжка через бездну.

Эпизод 4: Прыжок через бездну

Заправочный конвейер остановился на исходе третьих суток. Четвертый автоматический танкер отстыковался от кормового зажима «Итаки» с глухим шипением, оставив за собой легкое облачко метанового инея, которое мгновенно растворилось в космическом вакууме. Баки корабля были забиты под завязку: одна тысяча двести тонн криогенного топлива под запредельным давлением ждали своего часа. Корабль потяжелел, стал инертным, и маневровые микродвигатели теперь отзывались на команды Лео с заметной, ленивой задержкой.

В жилом отсеке наступил час тишины. Симптомы космической болезни у колонистов утихли — организмы молодых людей наконец адаптировались к постоянному падению, кровь перераспределилась, а желудки перестали бунтовать. Пространство кабины было приведено в идеальный, почти хирургический порядок. Все личные вещи, планшеты, медицинские катетеры и гигиенические наборы были жестко зафиксированы в пазах. Экипаж замер в своих углепластиковых ложементах.

Девяностопятилетний Илон Марс парил в центре, опутанный паутиной гибких трубок медицинской системы. На его бледную лысеющую голову был надет тонкий сетчатый шлем с десятками датчиков энцефалограммы. Нейроинтерфейс работал на пределе возможностей, транслируя в его угасающее сознание единую сеть управления флотом.

— Говорит Земля, Центр управления Бока-Чика на связи, — в шлемофонах раздался чистый, лишенный статических помех голос руководителя полетов. Из-за расстояния задержки еще не было, но все понимали, что это последний сеанс связи в реальном времени. — Ордер сформирован. Все триста четыре борта первой волны подтвердили готовность главных энергетических установок. Окно открывается через две минуты. Илон... если вы слышите нас. Спасибо вам. За всё. Земля отключает командный приоритет. Теперь вы сами по себе.

Илон не ответил словами. Он лишь слегка шевельнул пальцем левой руки, посылая через нейроинтерфейс короткий цифровой код — подтверждение приема. На его старом лице не было ни грусти, ни ностальгии. Он не смотрел на Землю, которая в этот момент огромным лазурным серпом висела в нижних иллюминаторах. Его взгляд был прикован к маленькой, невзрачной оранжевой точке на верхнем обзорном экране.

— Внимание экипажу, — скомандовал Лео, и его пальцы замерли над физическими кнопками аварийного сброса на центральной консоли. — Пятисекундная готовность к маневру Trans-Mars Injection (TMI). Автоматика переходит на внутреннее питание. Экзоскелеты — режим максимальной фиксации.

Карбоновые дуги на теле Илона с тихим гидравлическим свистом жестко прижали его к гелевой подушке ложемента. Компьютер корабля начал обратный отсчет.

— Три... Две... Одна...

«Итака» содрогнулась от мощного, протяжного удара. Три вакуумных двигателя Raptor, обладающие увеличенной степенью расширения сопел для работы в абсолютной пустоте, зажглись одновременно. В отличие от яростного, грохочущего старта с Земли, этот запуск на орбите ощущался иначе. Это была колоссальная, плавная, но неумолимая сила, которая начала вдавливать тридцать человек в их кресла с постоянным ускорением в два «жэ».

Через внешние оптические камеры Илон видел, как одновременно с «Итакой» космическую тьму прорезали триста ослепительных, бело-голубых факелов метанового пламени. Весь гигантский флот Первой волны, растянувшийся на тысячи километров по орбите, синхронно зажег свои ходовые двигатели. Это выглядело так, словно сама ночь разверзлась, и человечество зажгло в космическом океане свои собственные, рукотворные созвездия. Триста кораблей, несущих в себе семена новой эры, начали стремительно набирать скорость, уходя с круговой околоземной орбиты на разомкнутую параболическую траекторию. Они пробивали невидимую стену земного притяжения, устремляясь в глубокий космос. Скорость росла: одиннадцать километров в секунду... двенадцать... тринадцать. Земля внизу начала стремительно уменьшаться, превращаясь из колоссального щита в круглый, уязвимый сине-белый шар.

На тринадцатой минуте непрерывного разгона медицинский блок Илона замигал тревожным желтым светом. Сердце старика, уставшее от 95 лет борьбы, начало давать сбои под постоянным давлением перегрузки. Аритмия усилилась, пульс подскочил до критических 160 ударов, а уровень кислорода в тканях мозга начал стремительно падать.

— Доктор, показатели Основателя нестабильны! — крикнула Аня, преодолевая тяжесть, которая снова навалилась на её грудь.

Дик Вэнс, зажатый в своем кресле ремнями, быстро ввел команду на медицинском планшете.

— Всё в порядке, это по плану, — тяжело выдохнул врач. — Его тело не выдержит шести месяцев бодрствования в космосе даже при сниженной нагрузке. Мы переводим его в состояние глубокого медикаментозного гипобиоза прямо сейчас. Автоматика SpaceX справится.

Внутри шлема Илона Марса раздался тихий, шипящий звук. Микроиглы в воротнике скафандра синхронно вошли в его шею, вводя в кровь сложнейший коктейль из синтетических аналогов плазмы, криопротекторов и седативных препаратов нового поколения.

Старик почувствовал, как по его венам разливается приятный, леденящий холод. Тяжесть в груди начала отступать, а безумный гул работающих двигателей Raptor стал глухим, далеким, словно шум прибоя из его далекого калифорнийского детства. Натяжение нейроинтерфейса ослабло. Голографическая карта флота в его сознании начала гаснуть, точка за точкой. Последнее, что зафиксировали датчики его сетчатки перед тем, как его сознание погрузилось в глубокий, полугодовой анабиоз, была Земля — маленькая, синяя, одинокая бусина, оставшаяся позади в бесконечной черной пустыне.

Двигатели «Итаки» отработали положенные двадцать минут и отключились, оставив флот в режиме инерционного полета. Корабли летели в абсолютной тишине со скоростью, превышающей любые человеческие представления. Патриарх спал. Его ковчег уверенно шел курсом на Марс.

Глава 2: Великое Черное Море

Эпизод 1: Запах человечества

Космос в фантастических фильмах всегда пах стерильностью, озоном и холодным металлом. Настоящий Starship на сотый день полета пах старыми носками, несвежим потом, дезинфицирующим мылом, подгоревшим синтетическим белком и застоявшимся страхом.

Система рециркуляции воздуха «Итаки» была шедевром инженерной мысли SpaceX, но она не могла очистить пространство от главного — от присутствия тридцати живых, запертых в стальной бочке людей, которые уже три месяца не видели ничего, кроме черноты в иллюминаторах. Очистительные фильтры работали на пределе, монотонно и низко гудя где-то под палубным настилом, и этот гул заменял колонистам стук собственного сердца. Он въелся в подсознание, став синонимом жизни. Если гул прекратится — значит, через два часа они задохнутся.

Аня сидела на полу в центральной жилой зоне, уперевшись спиной в титановую переборку. В невесомости понятия «пол» и «потолок» были условными, но люди подсознательно красили одну из стен в серый цвет, чтобы обмануть мозг, требующий земных ориентиров. Её

ногти были обломаны, а под глазами залегли глубокие черные тени. За последние девяносто суток она похудела на шесть килограммов. Космическая диета из сублиматов и гидропонной зелени поддерживала калораж, но лишала вкуса к жизни.

— Он опять это сделал, — тихо произнес Лео, вплывая в отсек. Его волосы, которые в невесомости топорщились грязным ежиком, были стянуты резинкой. — Сварщик из третьей секции, Ковальски. Опять заперся в санитарном шлюзе и слил воду мимо регенератора. Он пытается умыться. Настоящей водой, Аня. У него психоз. Ему кажется, что от него пахнет мертвечиной.

— Скажи ему, что если он сольет еще хоть литр, мы урежем его рацион гидропоники до конца полета, — ответила Аня, не поднимая головы от экрана планшета. На экране ползли графики радиационного фона. Данные были скверными. — Пусть воняет как все. Здесь нет чистых людей, Лео. Мы все здесь пахнем одинаково — как скот, который везут на бойню.

— Зачем ты так? — Лео перехватил рукой поручень, зависая напротив нее. В его глазах читалась усталость, граничащая с депрессией. — Мы летим строить новый мир.

— Мы летим, потому что старый мир сгнил, а мы оказались достаточно эгоистичными, чтобы бросить там своих близких, — Аня наконец посмотрела на него, и в её взгляде не было прежней романтики. Была только сухая, выжженная реальность. — Ты звонил матери перед стартом? Связь с Землей сейчас идет с задержкой в четырнадцать минут. Ты пробовал разговаривать с кем-то, когда твое «люблю» долетает до человека, когда он уже успел пообедать, поплакать и забыть, о чем был вопрос? Это не разговор. Это переписка с покойниками. Мы похоронили Землю в своей голове три месяца назад. И теперь этот корабль — всё, что у нас есть.

Жёсткость их нового быта ломала людей быстрее, чем космическая радиация. Пространство, рассчитанное на тридцать человек, казалось крошечным. Каждому колонисту полагалась спальная ячейка размером с гроб — два метра в длину, метр в ширину. Там можно было зафиксировать себя ремнями к мягкой стене, закрыть шторку и попытаться уснуть под непрекращающийся писк приборов. Внутри этих ячеек люди тихо плакали, выли от одиночества или судорожно занимались сексом без чувств, просто чтобы почувствовать тепло другого человеческого тела и доказать себе, что они еще живы. В космосе не было места для конфиденциальности. Каждый вздох, каждый поход в туалет, каждый срыв фиксировался датчиками ИИ SpaceX. Капитаны кораблей знали о колонистах всё: уровень их кортизола в моче, частоту пульса во время сна и сколько секунд они смотрят на синюю точку Земли, которая на экранах уже уменьшилась до размеров булавочной головки.

Внезапно под потолком отсека вспыхнула багровая лампа аварийной сигнализации. Гудение вентиляторов резко сменило тональность — система жизнеобеспечения перешла в закрытый контур боевой готовности. Из динамиков раздался резкий, синтетический голос бортового компьютера:

— Внимание экипажу. Зафиксирована аномальная активность на Солнце. Корональный выброс массы в секторе 04. Направление — траектория движения Флагманского флота. Расчетное время прибытия радиационного фронта — сорок две минуты. Уровень угрозы: критический. Всем занять места в радиационном убежище.

Лео чертыхнулся, резко оттолкнулся от поручня и полетел в сторону пилотской рубки, едва не задев Аню ногами.

— Это Сцилла, — прошептала Аня, поднимаясь на руках. Потрепанная книга Гомера, которую она читала на Земле, всплыла в памяти. Солнечная вспышка класса X — это то, чего они боялись больше всего. Поток высокоэнергетических протонов летел сквозь вакуум со скоростью миллионы километров в час. Тонкие стальные стенки Starship для такой радиации были как марля. Единственное безопасное место на корабле — «штормовой погреб», крошечный

технический отсек в самом центре нижнего яруса, окруженный со всех сторон массивными баками с питьевой водой и жидким метаном, которые могли поглотить смертоносные частицы.

Но была одна проблема. В радиационном убежище места для тридцати человек было впритык. И там, в специальной капсуле анабиоза, спал самый старый и самый хрупкий пассажир этого корабля.

— Аня! — заорал из рубки Лео по внутренней связи. — Автоматика не справляется с балансировкой баков, метан нужно перекачивать вручную, чтобы создать максимальный защитный экран со стороны Солнца! И нам нужно будить Основателя. Его капсула потребляет слишком много энергии, ИИ блокирует распределение щитов. Либо мы выводим его из гипноза, либо система отключит его жизнеобеспечение, чтобы спасти наши аккумуляторы.

Аня рванулась вниз по техническому колодцу, цепляясь пальцами за стальные ступени. В её груди колотилось сердце. Человеческий смысл их миссии сейчас сжимался до простого выбора: спасти старика, который подарил им этот шанс, или пожертвовать им ради экономии киловатт, необходимых для выживания остальных двадцати девяти молодых жизней.

Она ворвалась в отсек анабиоза. В полумраке, подсвеченная синеватым светом медицинских мониторов, покоилась стеклянная капсула Илона Марса. 95-летний патриарх спал, его лицо выглядело безмятежным, почти святым. Он не знал, что прямо сейчас солнце выплюнуло в сторону его ковчега миллионы тонн невидимой смерти.

Аня ударила ладонью по сенсорной панели экстренного вывода.

— Проснись, старик, — тяжело дыша, произнесла она в пустоту отсека. — Проснись. Твой Марс пытается нас убить, не дождавшись прилета.

Первый эпизод второй главы готов. Мы подняли градус жёсткости, показали бытовые и психологические трудности перелета, а также поставили героев перед экзистенциальным выбором.

Эпизод 2: Сквозь туман анабиоза

Для Илона Марса времени не существовало целых три месяца. Не было ни пространства, ни звезд, ни гула двигателей. Была лишь бесконечная, вязкая серая пустота, в которой его 95-летнее сознание едва теплилось на самой границе между жизнью и окончательным распадом. Его мозг, подключенный к бортовому ИИ через нейроинтерфейс, спал в режиме минимального энергопотребления, пока синтетические криопротекторы в его жилах замедляли старение хрупких клеток.

И вдруг в эту пустоту ворвалась боль.

Она пришла в виде резкого, леденящего укола в область затылка. Нейроинтерфейс SpaceX выдал экстренный электрический импульс высокого напряжения, принудительно перезапуская замершие синапсы. Сердце старика, зажатое в тиски экзоскелета внутри капсулы, сделало судорожный, неровный толчок. Из его пересохшего горла вырвался хриплый, похожий на предсмертный стон звук. Вместе со стимуляторами в его кровь хлынул адреналин.

Стеклянная крышка капсулы анабиоза с шипением откинулась вверх. Илон открыл глаза, но ничего не увидел — сетчатку заливал багровый туман, а периферическое зрение отсутствовало. Организм в девяносто пять лет выходил из искусственной спячки со страшным скрипом. Каждый сустав горел так, словно в него залили расплавленный свинец, кости ныли от вернувшегося осознания собственного веса, которого в невесомости на самом деле не было.

— Фильтрация... крови... завершена, — раздался над ним сухой цифровой голос бортового компьютера. — Экстренное пробуждение по протоколу «Солнечная угроза». До удара радиационного фронта — тридцать одна минута. Нарушена балансировка энергетических щитов. Требуется авторизация Основателя.

Старик судорожно схватился костлявыми, покрытыми пигментными пятнами пальцами за края капсулы. Его трясло. Перед глазами постепенно начали проступать контуры отсека жизнеобеспечения. Синие диоды сменились тревожным, пульсирующим красным светом. Корабль

вибрировал. Это не был разгон двигателей — это была мелкая, лихорадочная дрожь корпуса от работы маневровых систем.

— Где... Лео?.. — прохрипел Илон, пытаясь сфокусировать взгляд на динамике связи. Каждое слово давалось с титаническим трудом, язык казался огромным и сухим, как кусок марсианского грунта. — Вывести... телеметрию... в интерфейс. Живо.

Вспышка.

Нейросеть внутри его черепа наконец синхронизировалась с главным сервером «Итаки». В мозг Илона хлынул колоссальный, необработанный массив данных, от которого у него едва не лопнули сосуды в висках. Он увидел весь свой флот. Но это была уже не та идеальная геометрическая сетка из трехсот кораблей, которая покидала орбиту Земли. Триста четыре серебряные стрелы теперь были раскиданы по пространству на миллионы километров друг от друга, напоминая испуганную стаю рыб.

Солнце, их вечный даритель жизни, предало их. Огромный протуберанец, вырвавшийся из короны звезды, гнал перед собой невидимую волну высокоэнергетических протонов и тяжелых ионов. Этот радиационный фронт шел прямо на них, готовый выжечь электронику и превратить костный мозг колонистов в кашу.

— Говорит Илон, — старик перехватил контроль над общей командной частотой флота. Его голос все еще дрожал, но в нем мгновенно проснулся тот самый безжалостный, властный тон директора, который не терпел возражений. — Лео, почему корабли арьергарда не развернуты тепловыми щитами к сектору 04? Вы подставляете жилые отсеки под прямой удар!

— Сэр! — в наушнике раздался испуганный и одновременно облегченный голос молодого пилота из рубки. — Вы очнулись... Автоматика заблокировала маневровые двигатели на двенадцати кораблях. Из-за экономии энергии на замерзающих радиаторах ИИ посчитал, что разворот потратит слишком много метана. Мы теряем контроль над хвостом колонны!

— К черту ИИ! Перевести управление вектором тяги на ручной овердрайв, — Илон Марс тяжело приподнялся в капсуле, преодолевая слабость. Карбоновые приводы его экзоскелета загудели, принимая на себя нагрузку и заставляя его дряхлые мышцы подчиняться. — Эти алгоритмы писали земные программисты, которые никогда не видели, как горит обшивка от солнечного шторма. Передайте на все триста бортов мой личный код авторизации: Mars-01-Alpha. Снимите программные лимиты с двигателей холодной тяги. Пусть жгут метан без остатка. Мы компенсируем это на орбите назначения, или нам просто некому будет её компенсировать.

Старик тяжело выбрался из ложемента капсулы и повис в невесомости центральной шахты. Его скафандр, облепивший исхудавшее тело, казался сейчас единственным, что удерживало его от распада. Но внутри этого умирающего тела жил абсолютно холодный, расчетливый инженерный разум.

Он посмотрел вниз, вглубь технического колодца. Там, в самом безопасном, окруженном баками с водой месте — «штормовом погребе» — уже собирались колонисты. Тридцать молодых, напуганных до смерти интеллектуалов, которых он забрал с Земли, теперь забивались в тесный отсек, как испуганные дети в подвал во время бомбежки. Они смотрели вверх, на парящего в красном полумраке Илона, со смесью ужаса и надежды.

Они поняли: их бог проснулся. И теперь только от его воли зависело, доползет ли этот стальной ковчег до Красной планеты, или превратится в триста сорок тонн радиоактивного металлолома, летящего сквозь вечную тьму.

— Лео, — спокойно произнес Илон, фиксируя себя у главного терминала управления щитами. — До удара двадцать минут. Закрывай гермозатворы жилых палуб. Я остаюсь в центральном посту. Будем встречать шторм лицом к лицу.

Второй эпизод полностью сфокусирован на Илоне Марсе. Мы показали его тяжёлое пробуждение, его жёсткий характер лидера и то, как он мгновенно берет контроль в свои руки.

Эпизод 3: Лицо к лицу со штормом

До удара оставалось семь минут, когда Илон Марс отключил внешние мониторы жилых палуб. Он сделал это осознанно. Молодым колонистам, забившимся в тесный, пахнущий сыростью и чужим страхом «штормовой погреб» между водяными баками, ни к чему было видеть, как умирает электроника их дома. В замкнутом пространстве убежища тридцать человек сидели, прижав колени к груди, слушая, как над их головами, за толстыми слоями композитной брони, Илон отдавал сухие, отрывистые команды.

Сам старик зафиксировал свой экзоскелет у центрального инженерного пульта рубки управления. Он отказался спускаться в погреб. В его девяносто пять лет прятаться за водяными стенами было бессмысленно — если шторм сожжет навигационный компьютер, они все равно не долетят.

— Сэр, радиационный фон на обтекателе растет по экспоненте! — Лео, сидевший в соседнем кресле, судорожно затягивал ремни скафандра, его лицо под прозрачным забралом было бледным как мел. — Первые датчики на носу «Итаки» уже зашкаливают. Нам нужно отключить вспомогательные процессоры, иначе их выжжет наведенными токами!

— Не смей отключать ориентацию, Лео, — Илон даже не повернулся. Его пальцы, деформированные артритом, но ведомые точными импульсами нейроинтерфейса, летали по сенсорной панели, перераспределяя остатки энергии с жилых модулей на электромагнитные катушки защиты. — Если мы потеряем вектор хотя бы на полградуса, поток протонов ударит не в кормовой метановый щит, а в боковую обшивку. И тогда наши люди внизу поджарятся прямо в своей воде. Держи корабль против ветра.

— Но корма горит! — почти закричал молодой пилот. — Система телеметрии сообщает, что на трех кораблях нашего левого крыла — «Арго», «Нова» и «Зенит» — отказали автоматические клапаны сброса давления. Метан закипает в баках от наведенного тепла!

— Передай им мой приказ: принудительный подрыв дренажных мембран вручную, — жестко выдохнул Илон. — Пусть стравливают газ в вакуум. Да, они потеряют до трети запаса хода. Но они выживут. Пишите инструкции кровью, Лео, если не умеете думать наперед. На Марсе не будет службы спасения.

Удар.

Это не был звук, который можно услышать ушами — в космическом вакууме нет воздуха. Это был удар по сознанию. Через нейроинтерфейс, подключенный прямо к центральной нервной системе Илона, прошла волна диких, хаотичных статических помех. В его глазах вспыхнули тысячи ослепительных белых искр — феномен фосфенов, когда высокоэнергетические космические частицы прошивают сетчатку глаза насквозь. Мозг старика отозвался острой, режущей болью в затылке. Его выгнуло в кресле, а медицинские датчики на груди мгновенно заверещали, фиксируя приступ жесточайшей тахикардии.

Вокруг них, в абсолютной темноте космоса, разыгрался невидимый ад. Солнечный шторм класса X20 накрыл Флагманский флот. Корпус «Итаки» из нержавеющей стали начал генерировать вторичное рентгеновское излучение. Сквозь металл переборок пробивались потоки заряженных частиц. На экранах рубки замелькали полосы помех, ИИ SpaceX начал панически перезагружать один сектор памяти за другим, теряя контроль над периферийными системами.

Илон стиснул зубы так, что услышал хруст собственных коронок. Экзоскелет жестко удерживал его бледное, дряхлое тело от судорог. Через силу воли, через выжигающую мозг боль, он буквально вручную — мысль за мыслью — собирал распадающуюся цифровую сеть корабля. Он перехватывал управление маневровыми двигателями там, где отказывали кремниевые чипы автоматики. Его сознание сейчас было тем самым мостом, который удерживал стодвадцатиметровую стальную махину в правильном положении против летящего от Солнца смертоносного потока.

— Сэр... «Зенит»... — прохрипел Лео, указывая на правый сектор голографической карты, которая теперь вся была покрыта красной цифровой сыпью. — Они не успели развернуться. Автоматика не сработала. Прямое попадание в жилой отсек. Телеметрия... телеметрия с «Зенита» пропала.

Илон бросил быстрый взгляд на точку, обозначавшую корабль «Зенит». Она больше не горела ровным синим светом. Она мигала тусклым, умирающим багровым цветом, а затем полностью исчезла с радаров, распавшись на три мелких осколка. Сто человек. Инженеры, строители, врачи. Люди, которые поверили его мечте и вошли на борт. Они сгорели в плазме собственного взорвавшегося бака за долю секунды.

В наушниках связи раздался глухой, прерывистый плач из штормового погреба — кто-то из колонистов услышал доклад Лео по незаблокированному каналу.

— Заткнитесь там, внизу! — рявкнул Илон Марс в микрофон общей связи, и его старческий, сорванный голос заставил людей в погребе мгновенно затихнуть. — На «Зените» были мои лучшие инженеры. Они погибли. Но если вы сейчас начнете выть от страха, вы погубите этот корабль. Мы не повернем назад. У нас нет назад. Земля далеко позади, и там вас ждет медленная смерть от голода и войн. Здесь у вас есть шанс умереть в бою за будущее. Лео, держи курс! Вспышка идет на спад. Мы вытащим эту чертову баржу из петли.

Старик тяжело выдохнул, и изо рта у него пошла тонкая струйка темной крови — сосуды в легких не выдерживали космического напряжения. Но его глаза, устремленные на далекую, едва заметную марсианскую искру на экране, оставались абсолютно сухими и безжалостными.

Эпизод 4: Цена билета в один конец

Солнечный ветер утихал неохотно, оставляя за собой шлейф выжженной кремниевой периферии и искореженной телеметрии. Через два часа после пика вспышки багровая аварийная лампа в рубке «Итаки» наконец сменилась ровным, но тревожным янтарным светом. Система жизнеобеспечения вернулась к штатному гудению, но воздух в отсеке казался тяжелым, горьким от перегретой изоляции кабелей и привкуса озона.

Илон Марс оставался в своем кресле. Его экзоскелет затих, гидравлика расслабилась, и старик обмяк в ложементе, напоминая пустую оболочку. Лицо Илона было серым, дыхание — редким и поверхностным, а на белом воротнике скафандра подсыхали бурые капли крови. Нейроинтерфейс в его затылке пульсировал тупой, изнуряющей болью, но он упорно не отключал прямую связь с главным сервером SpaceX. Он ждал сводку.

Лео, чьи пальцы все еще дрожали от перенапряжения, дрожащей рукой вывел на центральный терминал финальный отчет по Флагманскому флоту. Синие точки на голограмме снова выстроились в подобие порядка, но в этой сети теперь зияли черные пустоты.

— Сводка по Первой волне, сэр, — голос Лео сорвался на шепот. Пилот снял шлем, и его лицо было мокрым от пота. — Корабль «Зенит» — полное уничтожение, сто человек погибших. Трагическая потеря. Транспортники «Арго» и «Нова» принудительно стравили до сорока процентов метана, их баки полупустые. Еще на семи бортах выжжены резервные процессоры систем навигации. Они ослепли, Илон. Они не смогут скорректировать курс для входа в атмосферу Марса без нашей помощи. Общие потери живой силы — сто двенадцать человек за один день.

Лео резко повернулся к старику, и в его глазах молодая растерянность смешалась со жгучей обидой.

— Сто двенадцать человек, Илон! Они сгорели заживо в семидесяти миллионах километров от дома. А в «штормовом погребе» у нас сейчас половина ребят бьется в истерике. Они требуют развернуть флот. Требуют повернуть назад, к Земле! У «Арго» и «Новы» хватит остатков топлива, чтобы развернуться на гравитационный маневр и уйти назад к лунной орбите. Мы можем спасти хотя бы часть людей!

Илон медленно открыл налитые кровью глаза. Он посмотрел на молодого пилота — на парня, который годился ему в правнуки, на поколение, выросшее в относительном комфорте земных городов и не понимавшее истинной, суровой механики эволюции.

— Повернуть назад? — тихо, с леденящим спокойствием переспросил Илон. — Куда назад, Лео? К планете, которая задыхается от войн за пресную воду? К городам, где каждые полгода объявляют карантин из-за новых штаммов? Земля — это угасающий костер. Мы забрали с этого костра последние угли. Если мы сейчас повернем назад ради того, чтобы утешить испуганных мальчиков и девочек внизу, эти угли просто погаснут в черной воде. Сто двенадцать погибших — это страшная цена. Но это цена билета. Ты думал, мы летим на экскурсию? Каждая великая Одиссея в истории человечества строилась на костях тех, кто шел в первом ряду.

Старик приподнял руку, и карбоновый привод экзоскелета послушно поднял его указательный палец, направляя его в сторону Лео.

— Передай «Арго» и «Нове»: никакого разворота. Мы свяжем их навигационные системы с процессором «Итаки» через квантовый мост. Мы потащим их за собой на буксире, если потребуется. Мы перераспределим излишки топлива с грузовых беспилотников в конце маршрута. Но вся флотилия дойдет до Утопии. Живыми или мертвыми — мы сядем на Марс.

В этот момент в рубку снизу осторожно протиснулся доктор Дик Вэнс. В его руках был шприц-пистолет с новой порцией седативного коктейля для гипобиоза.

— Илон, шторм миновал, — мягко произнес врач, оценивая состояние старика. — Ваше сердце работает на пределе компенсаторных возможностей. Нейроинтерфейс пережил колоссальную перегрузку. Если вы сейчас же не вернетесь в капсулу анабиоза и не уснете до самого Марса, вы просто не доживете до посадки. Ваше тело откажет через две-три недели такой рутины. Ложитесь обратно. Автоматика справится со слепыми кораблями.

Илон Марс посмотрел на шприц, затем на экран, где поврежденный, израненный солнечным пламенем флот SpaceX продолжал свой безмолвный, яростный бег сквозь космическую пустыню. Девяностопятилетний патриарх принял решение мгновенно. Он заблокировал панель управления капсулы анабиоза своим администраторским паролем и выдернул медицинские катетеры из креплений на левом предплечье.

— Нет, Дик, — Илон слабо улыбнулся, но его взгляд оставался непреклонным. — Автоматика уже показала себя сегодня. ИИ не умеет жертвовать малым ради великого, он умеет только считать проценты вероятности. Если я усну, этот флот растает в глубоком космосе до того, как мы пересечем орбиту Цереры. Я остаюсь в сознании. Мой экзоскелет продержит меня на ногах, а нейроинтерфейс заменит мне сгоревшую автоматику. Готовь стимуляторы, доктор. Нам предстоит три месяца ручной корректировки курса трехсот кораблей.

Илон Марс повернулся к главному обзорному экрану. Земля сзади окончательно превратилась в блеклую, едва заметную голубую звезду, теряющуюся среди миллиардов других светил. А впереди, разрастаясь с каждым часом, горел грозный, суровый и манящий ржавый диск Красной планеты. Вторая глава их долгого пути подходила к концу, уступая место ежедневной, изнурительной борьбе за выживание в Великом Черном Море.

Глава 3: Ржавая гавань

Эпизод 1: Атмосферный замок

Внутри «Итаки» пахло горелым сахаром и калёным железом — это испарялся клей со стыков внутренней обшивки, нагретой до восьмидесяти градусов. Корабль падал на Марс.

Девяностопятилетний Илон Марс уже не мог говорить. Три месяца на непрерывных инъекциях адреналина и кортикостероидов превратили его тело в высохший пергамент, туго обтянутый белым композитом скафандра. Он висел в командирском кресле, полузакрыв глаза, но его пальцы на центральной консоли едва заметно подергивались — нейроинтерфейс напрямую транслировал в его мозг углы атаки всех двухсот девяноста трех уцелевших кораблей флоти-

лии. Он держал этот огромный караван силой своего угасающего разума. Но физически управлять «Итакой» сейчас приходилось тем, кто все эти три месяца жил в тени его фанатичной воли.

Лео судорожно перехватил штурвал ручного дублирования. Его предплечья затекли от постоянного напряжения, а на лбу выступила крупная испарина. На лобовом панорамном стекле рубки обычная чернота космоса сменилась зловещим, неоново-розовым сиянием. «Итака» вошла в верхние, самые разреженные слои марсианской атмосферы на скорости пять с половиной километров в секунду.

— Скорость падает слишком медленно! — крикнул Лео, пытаясь перебить нарастающий снаружи гул. — Разреженность воздуха выше расчетной на двенадцать процентов! Если мы не опустим нос, мы просто срикошетим от атмосферы и уйдем на вытянутую орбиту прямо в пояс астероидов. Илон, дай мне угол на правое крыло «Итаки»!

Старик в кресле не шевельнулся, но на экране Лео мгновенно вспыхнула зеленая изолиния — нейросеть Илона послушно перевела закрылки правого борта в нужное положение. Корабль натужно, со скрипом стальных швов, клюнул носом вниз, глубже погружаясь в марсианское небо. Розовое свечение за стеклом мгновенно превратилось в ослепительно-белое, ревущее пламя. Наветренная сторона Starship, покрытая тысячами черных гексагональных плиток теплозащиты, сейчас раскалилась до тысячи четырехсот градусов Цельсия.

В этот же момент на нижнем инженерном ярусе, в самом сердце грузового трюма, тридцатилетняя Аня боролась за то, чтобы у их купола вообще было будущее. Невесомость исчезла, сменившись тяжелой, рваной вибрацией торможения. Аню швыряло из стороны в сторону на страховочном тросе. Внутри гигантского отсека, среди сотен закрепленных контейнеров с гидропонными системами и буровыми головками, сорвало один из стокилограммовых баков с жидким азотом для терраформирования. Багровая лампа аварийной зоны заливала отсек зловещим светом.

— Ковальски! — заорала Аня в микрофон шлема, пытаясь перекричать скрежет сталкивающегося металла. — Держи левую таль! Если этот бак пробьет магистраль охлаждения главного процессора, «Итака» ослепнет через три минуты!

Ян Ковальски — тот самый сварщик, который месяц назад чуть не сошел с ума от замкнутого пространства, — сейчас выглядел на удивление собранным. Страх за собственную шкуру уступил место профессиональному хладнокровию. На его бледном лице, испачканном технической смазкой, застыла упрямая гримаса. Он зафиксировал свои тяжелые ботинки в пазах палубного настила и всем весом навалился на гидравлический рычаг зажима.

— Не удержим, Аня! — прохрипел он, когда корабль совершил очередной резкий нырок в плотные слои воздуха, и перегрузка подскочила до трех единиц. — Металл плывет! Зажимы SpaceX не рассчитаны на такую боковую болтанку!

— Держи, черт тебя дери! — Аня рванулась вперед, пренебрегая безопасностью, и буквально забила свое тело в щель между сорвавшимся баком и несущей балкой корабля, используя собственный композитный экзоскелет как живой клин. Металл затрещал о её наплечник, электроника костюма выдала каскад предупреждений о критическом давлении на ребра, но бак замер. — Вари крепление, Ян! Прямо сейчас, жги намертво!

В темноте трюма вспыхнула ослепительная синяя искра сварочного аппарата. Ян варил вслепую, ловя моменты относительного затишья между ударами марсианской атмосферы. Это был их личный, маленький ад на дне стального корабля — пока наверху великий Илон Марс вел человечество к историческому триумфу, здесь, внизу, двое испуганных и уставших людей удерживали этот триумф своими сломанными ногтями и обгоревшими скафандрами.

Через две минуты непрерывной тряски «Итака» прошла пик аэродинамического замедления. Гул за стенами стал глуше, сменившись низким, ровным свистом разреженного ветра. Скорость упала до безопасного звукового барьера.

Лео в рубке обессиленно откинулся на спину, тяжело дыша. На его главном мониторе сквозь пелену раскаленных газов наконец проступила картинка с внешних камер носового обтекателя.

Там не было привычной по старым снимкам красивой ржавой пустыни. На протяжении пяти тысяч километров над равниной Утопия бушевала глобальная пылевая буря. Марс встретил своих колонистов сплошной, непроницаемой стеной из буро-красной, наэлектризованной пыли, сквозь которую через секунду предстояло пройти всей флотилии.

Лео обернулся к Илону Марсу. Старик сидел неподвижно, его голова была неестественно запрокинута назад, а на экранах его жизнеобеспечения пульсировала одна-единственная тонкая синяя линия. Его нейроинтерфейс все еще работал, но сам основатель, казалось, уже перешагнул черту.

— Аня, Ян, — тихо произнес Лео в микрофон, глядя на приближающийся красный хаос за стеклом. — Закрепите там всё. Мы входим в бурю. И, кажется... мы остались одни.

Эпизод 2: Переворот

Буря за иллюминаторами «Итаки» выглядела как сплошная стена из ржавого наэлектризованного тумана. Мелкая, острая как битое стекло марсианская пыль с бешеной скоростью барабанила по корпусу из нержавеющей стали, создавая непрекращающийся металлический зуд. Статическое электричество бушевало снаружи: по обтекателю корабля змеились бледно-голубые огни, ослепляя оптические датчики и превращая радары в бесполезные излучатели шума.

— Высота — двенадцать километров! — гаркнул Лео, удерживая штурвал ручной корректировки векторов. — Атмосферное торможение завершено! Компьютер потерял посадочные маяки равнины Утопия! Радары ослепли из-за ионизации пыли! Мы падаем вслепую, Илон!

В техническом трюме Аня и Ян Ковальски только что закончили накладывать финальный шов на сорвавшийся бак с азотом. Окалины от сварки еще летали в воздухе, медленно оседая на палубу под воздействием нарастающей марсианской гравитации. Корабль падал вертикально, носом вниз — это была стандартная, самая жуткая фаза торможения Starship, когда огромная махина несется к поверхности, словно стометровый стальной лом.

— Ян, к шлюзу! — крикнула Аня, отстегивая свой страховочный трос от деформированной балки. Её экзоскелет SpaceX жалобно пискнул, сигнализируя о падении заряда батареи до двадцати процентов. — Если Лео не перевернет корабль через тридцать секунд, нам уже не понадобятся посадочные маркеры!

Ковальски, тяжело дыша через фильтры шлема, перехватил тяжелый гидравлический ключ. Его пальцы в толстых перчатках скафандра были стерты до крови из-за жестких металлических сочленений костюма.

— Аня, если радары сдохли, как он поймает точку касания? — Ян зафиксировал себя у панели управления аварийным открытием посадочных опор. — Из-за шторма навигационная сеть SpaceX лежит! Триста кораблей разбросало по всей равнине, мы потеряли связь с половиной флота! Мы же врежемся в кого-нибудь прямо в воздухе или разобьемся на валунах!

В рубке управления Лео в панике обернулся к Илону Марсу. Девяностопятилетний старик сидел с закрытыми глазами, его серое лицо казалось маской, но на центральном экране его личный биочип все еще выдавал бешеную, прерывистую активность. Нейроинтерфейс Илона, соединенный напрямую с навигационной матрицей «Итаки», совершил то, на что не был способен ни один кремниевый процессор. Старик сквозь дикую головную боль и подступающий инсульт начал вручную ловить сигналы с датчиков. Его сознание пробивалось через помехи бури, собирая искаженные эхо-локационные всплески от раскиданных в хаосе кораблей армады.

Мозг Илона буквально по крохам восстанавливал единую картину посадочной зоны. Триста кораблей не исчезли — они шли слепым клином, ведомые его волей. На экране Лео вспыхнула скорректированная траектория.

— Высота — три тысячи метров! — закричал Лео. — Приготовиться к перевороту! Илон, держись, нам нужен твой вектор!

Это был самый опасный маневр, придуманный инженерами SpaceX за всю историю космонавтики. Starship, падающий носом вниз, должен был на высоте чуть больше километра резко запустить три атмосферных двигателя Raptor, перевернуть свое огромное тело в воздухе вертикально, хвостом к планетарной тверди, и погасить скорость у самой поверхности.

Рёв.

Три центральных двигателя «Итаки» отозвались мгновенным, сокрушительным взрывом метанового пламени. Перегрузка крутанула корабль так, что в трюме Аня и Ян буквально взлетели к переборке, удерживаемые лишь аварийными магнитами ботинок. Жидкости в баках качнулись, металл обшивки застонал от дикого крутящего момента. Нос корабля устремился в черное марсианское небо, а хвост, извергающий ослепительный бело-голубой факел, нацелился в ржавую твердь.

Через нижние камеры Лео увидел, как под воздействием сверхзвуковой струи газов пылевая буря под ними начала разлетаться в стороны, обнажая настоящую поверхность Марса. Это была бескрайняя, унылая каменистая пустыня, покрытая ледяным углекислотным инеем.

— Высота — пятьсот метров... Триста... Сто... — монотонно отсчитывал ИИ.

Двигатели работали на пределе, выжигая последние тонны метана. Земляне, три месяца летевшие сквозь бездну, наконец-то возвращали свой вес. Марсианские 0.38g приняли их жестко, с грохотом и скрежетом смыкающихся гидравлических опор.

«Итака» вздрогнула, качнулась на массивных титановых «ногах» и замерла. Двигатели выключились, оставив после себя лишь шипение остывающего металла и свист уходящей пылевой бури.

В наступившей гробовой тишине Лео медленно опустил руки со штурвала. Он повернулся к Илону Марсу. Датчики жизнеобеспечения натужно пищали, фиксируя критическое падение давления у старика, но его сердце продолжало упрямо и тяжело биться. На экранах рубки медленно, один за другим, восстанавливались маркеры флота. Связь пробивалась сквозь оседающую пыль: корабли были раскиданы на десятки километров друг от друга, многие получили повреждения, но хребет миссии выстоял.

Илон Марс медленно открыл налитые кровью глаза, тяжело втянул марсианский кислород из системы жизнеобеспечения корабля и слабо, но властно посмотрел на Лео.

— Мы на месте, — прохрипел старик, и на его бледных губах застыла жесткая ухмылка. — Включай внешние прожекторы, капитан. Нам нужно собрать наш флот. Наша Одиссея только начинается.

Эпизод 3: Разомкнутый круг

Опоры «Итаки» глубоко ушли в марсианский грунт, раздавив вековую корку сухого льда. Корабль слегка накренился на правый борт, но гидравлика компенсировала наклон, зафиксировав стодвадцатиметровую башню под углом в два градуса к вертикали. За стенами выл ветер, неся тонны острой пыли, которая скрежетала по обшивке с упорством наждачной бумаги.

В жилом отсеке никто не радовался. Не было криков триумфа или объятий. Люди сидели в своих креслах, оглушенные внезапным прекращением рева двигателей и возвращением гравитации. Пусть марсианские 0.38g составляли чуть больше трети от земных, после трех месяцев невесомости тела колонистов налились свинцовой тяжестью. Каждое движение рук требовало сознательного усилия.

Илон Марс тяжело дышал в своем кресле. Нейроинтерфейс в его затылке остывал, отключая высокочастотные каналы связи, и этот процесс отзывался в его мозгу глухими, тяжелыми

ударами. Старик выглядел так, будто сам состоял из марсианской пыли — бледный, с запавшими щеками, но его взгляд, устремленный на главный терминал, оставался ясным и яростным.

— Лео... — прохрипел он, и датчик на воротнике скафандра с трудом оцифровал его сорванный голос. — Не сиди. Запрашивай... общую сводку. Где наши грузовые платформы? Где «Атлант»? Нам нужны реакторы.

Лео судорожно забил пальцами по клавиатуре ручного ввода. Автоматическая система SpaceX, перезапущенная после посадочного шока, медленно собирала данные. Спутниковая группировка Starlink, развернутая вокруг Марса беспилотными миссиями прошлых лет, работала со сбоями — ионизированная пылевая буря глушила радиосигналы в дециметровом диапазоне.

— Сэр, картинка скверная, — Лео вывел на проектор карту равнины Утопия. Вместо плотного посадочного каре, которое они планировали на симуляторах в Бока-Чика, синие маркеры кораблей были раскиданы по площади почти в восемьдесят квадратных километров. — Нас разбросало как горох. Ближайший к нам транспортник — «Кеплер» — сел в двенадцати километрах к северу, за грядой кратеров. Но хуже другое. Связи с «Атлантом» нет. Грузовая платформа с тремя ядерными микрореакторами Kilopower не отвечает на запросы. Если они промахнулись мимо равнины и сели на скалы Ацидалийского моря, мы остались без энергосети на зиму.

Илон сжал подлокотники кресла с такой силой, что карбоновые перчатки его экзоскелета издали сухой хруст. Без реакторов «Атланта» вся их тысяча колонистов первой волны была обречена. Аккумуляторы Starship могли поддерживать системы жизнеобеспечения в течение двух недель, но для запуска заводов по производству метана и обогрева куполов требовались мегаватты постоянного тока.

— Аня, — голос Илона раздался в наушниках нижнего трюма. — Хватит варить баки. Бери Ковальски, идите в шлюз. Мне нужно знать, что происходит снаружи. Проверьте лазерные дальномеры на корпусе. Нам нужно поднять мачту дальней связи вручную, раз её заклинило автоматикой.

На нижнем ярусе Аня медленно поднялась с колен, преодолевая сопротивление марсианской тяжести. Её ноги казались чужими, а голова кружилась от резкого притока крови. Ян Ковальски стоял рядом, опёршись на сварочный трансформатор, его скафандр был покрыт слоем серой окалины.

— Слышал, Ян? — Аня проверила замок своего шлема. — Старик не даст нам отлежаться. Пошли в декомпрессионную камеру. Посмотрим на этот новый рай.

Шлюзовой отсек Starship V3 представлял собой узкий металлический цилиндр в основании жилой зоны. Когда тяжелая гермодверь за их спинами захлопнулась со звуком падающего гильотинного ножа, Аня почувствовала, как внутри всё сжалось. Настоящий Марс стоял прямо за этой стальной стеной толщиной в четыре миллиметра.

— Начинаю сброс давления, — произнесла она, нажимая физическую кнопку на стене.

Воздух с громким, свистящим ревом начал уходить в накопительные резервуары корабля. Давление в шлюзе стремительно падало, выравниваясь с марсианским — всего шесть миллиметров ртутного столба. Внутри скафандров автоматически поднялось внутреннее давление кислорода, костюмы раздулись, став жесткими, как рыцарские доспехи. Каждое сгибание локтя теперь требовало преодоления внутреннего сопротивления пневмоподушек.

— Внимание, открываю внешний затвор, — рука Яна Ковальски легла на массивный рычаг аварийного открытия.

Стальной лист внешнего люка медленно пополз в сторону, открывая колонистам вид на планету, ради которой они бросили Землю.

В проемы шлюза мгновенно ворвался бешеный, ревущий поток буро-красной пыли. Прожекторы «Итаки», установленные на высоте пятидесяти метров, пробивали этот хаос мощными, но короткими лучами света. В этих лучах Аня увидела то, что заставило её замереть на пороге.

Марс не был просто ржавой пустыней. Прямо перед ними, насколько хватало взгляда сквозь пелену бури, лежала мертвая, истерзанная каменистая равнина, покрытая рваными глыбами базальта и замерзшими пластами углекислого газа, которые испарялись под воздействием выхлопных газов корабля, создавая тяжелый белый туман у основания опор. На горизонте, едва заметные в инфракрасном спектре её шлема, тусклыми факелами догорали аварийные огни других кораблей. Флот SpaceX стоял разомкнутым, разорванным кругом в чужом, ледяном мире. Они долетели, но планета уже начала их медленно убивать.

— Аня... — голос Яна в шлеме звучал тихо, почти испуганно. — Смотри туда, на три часа.

Она повернула голову. Сквозь стену пыли, всего в двух километрах от их позиции, из темноты проступал силуэт еще одного Starship. Корабль стоял под углом почти в сорок пять градусов — одна из его посадочных опор подломилась при ударе о скрытый под пылью валун. Это был транспортник «Браге», несший на борту половину всех запасов продовольствия миссии. Из его разорванного кормового отсека в разреженную атмосферу Марса тонкой, ледяной струей выходил остаточный метан.

Эпизод 4: Голос из вечной мерзлоты

Пыль забивала внешние фильтры шлема с сухим, шорохом, похожим на шёпот. Аня сделала первый шаг по марсианскому реголиту, и её нога провалилась в ржавую крошку почти по щиколотку. Под тонким слоем оксида железа скрывался базальтовый монолит, скованный вечным, миллионолетним льдом. Ощущение веса было обманчивым: экзоскелет SpaceX компенсировал движения, но инерция тела оставалась земной. При попытке резко повернуться её повело в сторону, и Ян Ковальски едва успел перехватить её за плечо своей тяжелой перчаткой.

— Осторожней, геолог, — прохрипел Ян. На его скафандре уже осел тонкий слой красной пудры, превратив белый композит в маскировочный халат марсианского солдата. — Здесь если упадешь и пробьешь колено об базальт — доктор Вэнс тебя обратно не соберёт. Тут нет атмосферного давления, чтобы удержать твою кровь внутри.

Они тащили за собой тяжелую стальную раму лазерного маяка. В условиях, когда орбитальная группировка Starlink работала с перебоями из-за статических разрядов бури, этот оптический ориентир был единственным шансом связать «Итаку» с накренившимся транспортом «Браге».

В рубке управления Илон Марс сидел, уставившись в центральный терминал. Его дыхание было редким, со свистом — медицинский блок впрыскивал последние резервы искусственного легочного сурфактанта, чтобы удерживать дряхлые легкие от коллапса. Он слышал каждый вздох Ани и Яна через тактический аудиоканал. Кабели его нейроинтерфейса пульсировали, собирая остатки данных с выживших систем корабля.

— Лео... — Илон выдавил из себя это имя, не поворачивая головы. — Соедини меня с «Браге». Напрямую. Через лазерный луч, как только Аня включит маяк. Мне нужен их капитан.

— Сэр, «Браге» не отвечает на радиозапросы, — Лео судорожно вбивал команды восстановления частот, его пальцы были мокрыми от пота.

— Но я вижу их датчик давления. Жилой отсек держится, но метан из разорванного бака заливает их нижнюю палубу. Одно короткое замыкание в проводке — и они взлетят на воздух прямо в этой буре.

— Аня! — закричал Илон в микрофон, и этот старческий, надрывный крик заставил девушку вздрогнуть на поверхности планеты. — Включай... маяк! Сейчас же! У «Браге» нет времени на ваши геологические изыскания!

На равнине Утопия Аня упала на колени перед стальной станиной. Пыль вокруг неё закручивалась миниатюрными смерчами, видимость упала до пяти метров. Экран её шлема мигал предупреждениями о критическом уровне статического электричества.

— Заземление! Ян, держи штырь! — крикнула она, вбивая титановый стержень глубоко в реголит.

Ковальски навалился всем телом, загоняя металл в мерзлоту. Аня сорвала защитную чеку с оптической головки. Тяжелый лазерный излучатель SpaceX щелкнул, и сквозь бурый хаос бури пробился тонкий, невероятно яркий изумрудно-зеленый луч. Он ударил точно в верхний обтекатель накренившегося «Браге», пробивая наэлектризованную пыль мощными импульсами кодированных данных.

— Есть контакт! — доложил Лео из рубки. — Лазерный мост стабилен. Данные с «Браге» пошли... Господи, Илон, смотри на этот сектор.

На голографической карте, транслируемой прямо в мозг Илона Марса, загорелась новая, неожиданная точка. Это был не «Браге». Это был «Атлант» — тяжелая грузовая платформа с ядерными реакторами, которую они считали погибшей. Она нашлась. Но она находилась не в восьмидесяти километрах, и даже не на скалах Ацидалийского моря. «Атлант» сидел в сорока километрах к востоку, на самом дне глубокого тектонического разлома, куда его утянул сбой посадочного навигатора во время бури.

Но пугало не расстояние. От «Атланта» шёл автоматический аварийный сигнал, но это был не код SpaceX. Навигационный компьютер грузовика зафиксировал нечто аномальное сразу после касания грунта. При падении тяжелые опоры платформы пробили стометровый слой реголита, провалившись в древнюю, подповерхностную полость — гигантскую лавовую трубку, запечатанную миллиарды лет назад.

И оттуда, из этой черной ледяной бездны под марсианской корой, на аварийной частоте «Атланта» шёл странный, циклический радиовсплеск. Это не был шум статического электричества бури. Это был упорядоченный, модулированный сигнал искусственного происхождения, частота которого в точности соответствовала старым земным стандартам дальней космической связи конца двадцатого века.

Илон Марс медленно выпрямился в своем кресле. Боль в затылке на мгновение отступила, сменившись леденящим, ясным осознанием.

— Лео... — старик указал костлявой перчаткой на пульсирующий маркер в разломе.

— Очисти... этот сигнал. Убери шум бури. Я знаю этот ритм. Я слышал его... семьдесят лет назад, когда работал в Южной Африке.

Пилот дрожащими руками наложил цифровой фильтр. Через динамики рубки «Итаки», а затем и в шлемах Ани и Яна на поверхности, сквозь вой марсианского ветра пробился четкий, ритмичный металлический стук. Короткий. Длинный. Короткий.

— Это же... азбука Морзе? — Аня замерла у лазерного маяка, слушая, как чужой голос из глубин Марса пробивает её радиоканал. — Но кто мог оставить передатчик под стометровым слоем льда до нашего прилета?

Илон Марс закрыл глаза, и на его старом лице отразился глубокий, экзистенциальный страх человека, который всю жизнь думал, что он первый открывает эту дверь.

— Мы не первые, — тихо произнес он в темную рубку. — Кто-то ушёл с Земли задолго до SpaceX. И они всё еще ждут нас там, внизу. Лео, готовь вездеход. Мы идем к «Атланту».

Глава 4: Дети нового неба

Эпизод 1: Раскол под куполом

Марсианский вездеход Cybertruck-X тяжело переваливался через острые обломки базальта, его массивные безвоздушные титановые колеса сминали и размалывали вековую корку замерзшей углекислоты. Внутри герметичной кабины пахло пластиком, свежим регенерационным кислородом и лекарствами Илона.

Старик полулежал в командирском кресле в передней части салона. Его экзоскелет работал в режиме постоянного поддержания тонуса — приводы тихо жужжали при каждом толчке машины, компенсируя удары подвески. На лобовом стекле вездехода, заменяющем традиционный экран, сквозь плотную, оседающую буро-красную пыль проступали очертания временного лагеря вокруг «Итаки». Колонисты уже развернули два огромных надувных модуля из многослойного вектрана, которые теперь туго раздувались, напоминая гигантские белые грибы, выросшие на ржавой марсианской почве.

— Сэр, это безумие, — Лео удерживал штурвал Cybertruck, не отрывая взгляда от инфракрасного навигатора. — Нам нужно повернуть к «Браге». Да лазерный мост стабилен, но их корпус продолжает крениться. Там тридцать человек заперты на верхней палубе, под ними полупустой бак с метаном. Если опоры подломятся окончательно, они упадут с высоты сорока метров прямо на скалы. А мы едем в противоположную сторону ради... ради какого-то радиошума в тектоническом разломе!

Илон Марс даже не повернул головы к пилоту. Его бледный, исхудавший профиль в свете приборов казался высеченным из камня.

— Триста четыре корабля вылетели с Земли, Лео, — тихо, но отчетливо произнес старик через встроенный в воротник цифровой фильтр. — Двадцать девять кораблей серьезно повреждены. Один уничтожен. «Браге» — это продовольствие. Но без реакторов «Атланта» всё это продовольствие сгниет через две недели в замороженном грунте. Нам нужна энергия. Без мегаватт тока мы — просто мертвецы, которые еще дышат. Выполняй приказ. Держи курс на восток, к разлому.

На заднем сиденье вездехода Аня судорожно проверяла диагностическое оборудование своего геологического скафандра. Рядом с ней Ян Ковальски молча перебирал тяжелые спасательные тросы и плазменные резаки, его лицо под прозрачным забралом шлема было мрачным.

— Дело не только в реакторах, верно, Илон? — Аня подалась вперед, насколько позволяли фиксирующие ремни. Её голос в общей сети звучал жестко, без прежнего почтения к основателю. — Сигнал Морзе из лавовой трубки. Ты едешь туда, потому что этот стук ломает всю твою картину мира. Ты всю жизнь строил SpaceX как единственную силу, способную вывести человечество к звездам. И теперь ты не можешь смириться с тем, что кто-то обошел тебя на семьдесят лет раньше.

Илон Марс медленно закрыл глаза. Воспоминания, которые он годами хоронил под терабайтами инженерных расчетов и бизнес-планов, внезапно прорвались наружу. Южная Африка, 1950-е годы. Его дед, эксцентричный пилот и исследователь Джошуа Халдеман, который пролетел тысячи миль над африканскими пустынями на своем одномоторном самолете в поисках затерянных городов. Илон помнил старые чертежи, странные дневники и радиоприемник в подвале дома в Претории, который однажды поймал точно такой же циклический, кодированный стук, шедший, как тогда казалось, из верхних слоев атмосферы. Тогда это посчитали эхом секретных испытаний холодной войны. Но ритмика... ритмика была один в один.

— Ты ничего не понимаешь в эволюции цивилизаций, Аня, — прохрипел старик, открывая глаза. — Если этот сигнал — то, о чем я думаю... Это означает, что Земля уже пыталась спастись. До нас. И если они погибли здесь, под этим льдом, мы обязаны знать — почему. Чтобы не повторить их финал через год.

— А если они живы? — тихо спросил Ян Ковальски, отрываясь от тросов. — Что, если там, внизу, кто-то сидит и ждет, пока мы откроем люк?

В кабине Cybertruck наступила мертвая тишина, нарушаемая только монотонным гулом электромоторов вездехода и свистом марсианского ветра снаружи. Машина приблизилась к краю Великой Трещины — тектонического разлома, уходящего вглубь марсианской коры на три километра.

Внезапно на главном тактическом экране Лео замигал красный маркер. Спутниковый лазерный мост, связывающий их с лагерем «Итаки», выдал экстренное сообщение от доктора Дика Вэнса, оставшегося во временном куполе.

— Лео! Илон! — голос врача пробивался сквозь сильнейшие трески статики. — На «Браге» началось обрушение! Правая полетная опора не выдержала веса накренившегося корпуса. Корабль заваливается на бок. Команда заблокирована в шлюзовом отсеке верхнего яруса. У нас есть максимум сорок минут, чтобы срезать внешние панели резаками и вытащить людей до того, как взорвутся баки!

Лео резко ударил по тормозам. Cybertruck-X замер у самого обрыва, его фары пробивали черную бездну разлома, на дне которого тусклым маяком светились габаритные огни упавшего «Атланта».

— Илон, я разворачиваю машину, — Лео повернулся к старику, и его рука легла на рычаг реверса. — Я не оставлю тридцать человек умирать на «Браге» ради призраков из твоего подвала.

Старик Марс медленно поднял руку, и на его сенсорной панели вспыхнул багровый свет административного контроля. Он полностью заблокировал бортовой компьютер вездехода через свой нейроинтерфейс. Машина не тронулась с места.

— Мы не разворачиваемся, — выдохнул 95-летний патриарх, и его взгляд, устремленный в черную пасть разлома, был абсолютно безжалостным.

— Аня, Ян — приготовить альпинистское снаряжение. Мы спускаемся на дно. Прямо сейчас.

Эпизод 2: Спуск в бездну

Титановый трос лебедки уходил в абсолютную темноту разлома, как тонкая блестящая нить, связывающая обитаемый мир с ледяным склепом Марса. Электромоторы Cybertruck-X натужно выли, удерживая на весу трехкилометровую плеть, на конце которой в бездну опускалась спасательная люлька.

Илон Марс висел в центре этой стальной корзины. Карбоновые зажимы его экзоскелета намертво прижали старика к опорной стойке, не давая хрупкому позвоночнику сломаться от постоянной боковой раскачки. На его шлеме горели мощные светодиодные прожекторы, но их лучи просто тонули в колоссальном пространстве тектонической трещины. Слева от него Аня непрерывно сверялась с показателями лазерного дальномера, а справа Ян Ковальски контролировал натяжение страховочных фалов, готовый в любую секунду перерубить заклинивший трос плазменным резаком.

— Глубина — две тысячи метров, — ровным, безэмоциональным голосом сообщил ИИ вездехода через ретранслятор на краю обрыва. — Температура за бортом — минус сто десять градусов Цельсия. Атмосферное давление растет из-за глубины разлома — сорок миллиметров ртутного столба. Обнаружены плотные скопления углекислого газа.

— Лео, что на «Браге»? — Аня переключила канал связи на верхний лагерь, проигнорировав нарастающий гул в ушах от изменения давления. — Вы вытащили их?

В наушниках сквозь стену треска и цифрового шума прорвался тяжелый, задыхающийся голос Лео. Пилот остался наверху в кабине вездехода, координируя спасательную операцию удаленно через спутники Starlink.

— Корпус пополз! — крикнул Лео. — Доктор Вэнс и ребята из второй смены успели срезать внешнюю обшивку над шлюзом. Мы вытащили девятнадцать человек, но нижний ярус заклинило! Ян, слышишь меня?! Там твоя бригада сварщиков осталась в жилом отсеке, их при-

жало деформированной балкой! Метановый клапан травит прямо! Вэнс пытается пробиться через технический люк, но у него не хватает мощности гидравлических ножниц!

Ян Ковальски резко повернул голову к динамику, его бледное лицо под забралом мгновенно покрылось испариной.

— Пусть Вэнс жжёт петли термокарандашом! — рявкнул сварщик. — Снизу вверх, по дуге! Иначе балка просядет еще ниже и раздавит их к чертям! Лео, транслируй им мою схему резки, она в общей инженерной базе!

— Хватит тратить... трафик... — прохрипел Илон Марс, и его багровые глаза, подсвеченные внутренним дисплеем шлема, уставились на Яна. — Лео удержит... ситуацию. Смотрите... вниз.

Люлька прошла сквозь плотный слой замерзшего метанового тумана, и прожекторы колонистов наконец выхватили дно разлома. Картина была жуткой. Тяжелая грузовая платформа «Атлант» лежала на боку, напоминая поверженного титана. Её массивные титановые опоры, рассчитанные на колоссальные нагрузки, были вывернуты под неестественными углами. Платформа пробила хрупкий свод древней лавовой трубки и наполовину провалилась в черную подземную полость. Из её разорванного энергоузла во все стороны разлетались яркие электрические дуги — аварийные аккумуляторы разряжались прямо в марсианский грунт.

Но ритмичный, металлический стук азбуки Морзе, шедший из этой бездны, стал настолько громким, что микрофоны скафандров Ани и Яна начали улавливать его как физическую вибрацию через стальной трос лебедки.

Точка. Тире. Точка.

— Спуск завершен. Фиксация люльки, — отчеканил ИИ.

Ян Ковальски первым выпрыгнул из корзины на истерзанный реголит. Его тяжелые ботинки глубоко ушли в смесь ржавого песка и древнего водяного льда. Он мгновенно развернул плазменный резак и направился к поврежденному контуру «Атланта», чтобы отсечь горящие кабели и спасти уцелевшие ядерные реакторы Kilopower.

Аня помогла Илону выбраться из люльки. 95-летний инженер едва переставлял ноги, полностью полагаясь на гидравлику своего экзоскелета. Они подошли к краю провала, который образовался под весом платформы.

Прожектор Ани заглянул внутрь лавовой трубки. Столетиями запечатанная пещера была огромной — высотой с тридцатиэтажный дом. На её стенах блестели колоссальные пласты чистейшего глубинного льда. И прямо посреди этого подземного ледника, намертво вмерзший в него по самую рубку, стоял объект искусственного происхождения.

Это была не ракета SpaceX. Это был угловатый, тяжелый полусферический модуль, покрытый слоем потемневших от времени термоизоляционных панелей. На его вершине медленно, рывками поворачивалась ржавая параболическая антенна, ведомая древним, умирающим механизмом. И именно эта антенна с монотонным упрямством посылала в космическое пространство один и тот же сигнал.

Аня сделала шаг вперед, её лазерный сканер скользнул по носовой части вмерзшего модуля. Сквозь вековую ледяную глазурь проступили рельефные, выбитые в металле буквы на английском языке и старый, полузабытый символ — серп и молот, перекрещенные над схематичным изображением земного шара. Под ними читалась четкая маркировка: «СССР. Проект "Марс-74". Модуль дальней эвакуации "Ковчег-1"».

— Этого... не может быть, — прошептала Аня, и её планшет выпал из рук в ржавую пыль. — Официальная история говорит, что советская марсианская программа закрылась в семидесятых после неудач с ракетой Н-1... Они никогда не летали к Марсу.

— Официальную историю... пишут победители, — тихо, со страшным кашлем отозвался Илон Марс, подходя к самому краю обрыва. Его экзоскелет натужно загудел, когда старик наклонился, чтобы рассмотреть эмблему — А те, кто проиграл на Земле, просто молча постро-

или свои корабли и улетели. Семьдесят четыре... Мой дед исчез именно в 1974-м. Он не искал затерянные города в Африке, Аня... Он помогал им ковать эту сталь.

В этот момент из динамика рации, транслирующего сигнал из глубины пещеры, азбука Морзе внезапно оборвалась. Внутри вмерзшего советского модуля с тяжелым, глухим щелчком сработал пневматический привод. Древний гермозатвор, покрытый инеем, медленно, скрежеща металлом о лед, приоткрылся на несколько сантиметров. Из темного нутра корабля наружу вырвалось облако белого пара, и сквозь радиопомехи в шлемах колонистов раздался слабый, хриплый человеческий вздох

Эпизод 3: Столкновение эпох

Белый пар, вырвавшийся из глубин советского модуля, мгновенно кристаллизовался в разреженной марсианской атмосфере, оседая на лицевое стекло скафандра Илона Марса мелкой ледяной крошкой. Воздух, выходивший из «Ковчега-1», пах консервированной смазкой, старой резиной и сухим, застоявшимся теплом — запахом, который не должен был существовать на этой планете.

— Сэр! — Лео закричал в наушнике связи с края обрыва, его голос едва пробивался сквозь помехи. — На «Браге» взрыв! Кормовой коллектор метана детонировал при резке верхних петель! Доктор Вэнс ранен, его скафандр разгерметизирован! Мы вытащили парней из трюма, но Вэнс... Вэнс остался на обрушившейся аппарели! Мне нужно ручное управление маневровыми двигателями «Итаки», чтобы сдуть пламя струей холодного газа, снимите блокировку!

Илон Марс замер у приоткрытого люка древнего советского корабля. В его 95-летнем мозгу, перегруженном стимуляторами и потоками цифровых данных через нейроинтерфейс, сейчас происходило страшное ментальное сражение. На одном плече весов лежала жизнь Вэнса — его личного врача, старого друга, который прошел с ним весь путь от Бока-Чика. На другом — тайна, переписывающая историю человечества, скрытая за стальной дверью с серпом и молотом.

— Лео... — прохрипел старик, и его палец дернулся на сенсорной панели скафандра. — Блокировку... снял. Дай «Итаке»... импульс на левый борт. Спасай... Вэнса.

Он отключил тактический канал связи верхнего лагерь, оставляя пилота наедине с горящим кораблем снабжения. Старик повернулся к Ане и Яну. Ковальски уже закончил отсекать плазменным резаком горящие кабели «Атланта» — один из ядерных реакторов Kilopower уцелел и теперь ровно, тихо гудел, выдавая спасительные киловатты в развернутую Яном временную шину.

— Аня, Ян... Внутрь, — скомандовал Илон. Его экзоскелет натужно, со скрипом поршней, толкнул его тело вперед, заставляя преодолеть порог советского шлюза.

Внутри «Ковчег-1» напоминал тесную, перегруженную приборами капсулу, спроектированную по лекалам ранней космической эры, но увеличенную до масштабов тяжелого межпланетного транспорта. Вместо жидкокристаллических дисплеев SpaceX здесь повсюду высились массивные блоки аналоговых тумблеров, круглые циферблаты манометров и тяжелые литые панели, выкрашенные в защитный зеленый цвет авиационных кабин. Центральную часть жилого отсека занимали три капсулы, похожие на глубокие металлические барокамеры. Две из них были темными, их стеклянные окошки покрылись толстым слоем внутреннего инея, за которым угадывались неподвижные, иссохшие контуры человеческих тел. Но третья капсула светилась тусклыми янтарными лампами. На её аналоговом индикаторе медленно, рывками двигалась стрелка, фиксирующая слабый пульс — всего двадцать два удара в минуту.

— Это гипобиоз на основе ксеноно-аргоновой смеси, — Аня поднесла лазерный анализатор своего планшета к стеклу работающей капсулы. — Технология, которую на Земле считали теоретически невозможной в двадцатом веке. Они заморозили его нервную систему, замедлив метаболизм в тысячи раз. Но их генераторы сдохли, когда «Атлант» пробил свод пещеры. Авто-

матика капсулы перешла на аварийный аккумулятор, который выдал предсмертный импульс вывода из анабиоза. Илон... этот человек просыпается. Но если его системы жизнеобеспечения не получат питание через пять минут, его легкие просто разорвутся от декомпрессии. Советская система работает на другом напряжении и токе!

— Ян... — Илон Марс тяжело опустился на колени перед распределительным щитом «Ковчега-1», его костлявые пальцы коснулись толстых медных шин заземления. — Резак... сюда. Нам нужно... скоммутировать наш реактор напрямую с их силовой шиной. Напряжение... я скорректирую через инвертор скафандра.

— Сэр, это сожжет ваш личный аккумулятор! — Ян Ковальски рванулся к нему, пытаясь перехватить кабель. — Ваш экзоскелет отключится, вы не сможете двигаться! Ваше сердце держится на токах костюма!

— Жги, Ковальски! — рявкнул старик с неожиданной для его дряхлого тела силой. — Мне девяносто пять лет, моё сердце — это мусор! А этот человек — ключ ко всему. Жги!

В тесной зеленой кабине советского корабля вспыхнула яростная дуга плазмы. Ян за секунды срезал старые клеммы и соединил современный композитный кабель SpaceX с медными зажимами 1974 года. Илон Марс замкнул контур через преобразователь своего скафандра. Через его нейроинтерфейс прошел дикий, выжигающий импульс обратного тока. Старик вскрикнул от боли, его экзоскелет мгновенно обесточился, и его тело тяжелым мешком рухнуло на металлический пол отсека, зафиксированное лишь жесткой карбоновой рамой.

Но энергия пошла. Древние манометры на стенах «Ковчега-1» качнулись, под потолком с глухим щелчком загорелись старые вольфрамовые лампы, заливая кабину теплым желтым светом. Тяжелая крышка третьей барокамеры со свистом отодвинулась.

Человек внутри капсулы судорожно выгнулся, его легкие с хрипом втянули консервированный воздух отсека. На нем был тяжелый, неуклюжий скафандр СК-100 с массивным стальным шлемом, на котором белела выведенная от руки красная надпись: «СССР». Он медленно повернул голову, его серые, затуманенные долгим сном глаза сфокусировались на лежащем на полу Илоне Марсе, а затем на нашивке SpaceX на плече Ани.

Человек поднял дрожащую руку к своему гермошлему, нажал на замок защелки и, с трудом ворочая пересохшим языком, произнес на чистом русском языке, который навигационный компьютер Ани перевел с секундной задержкой:

— Товарищи... Какая сейчас пятилетка на Земле?.. И почему... ваши корабли сделаны из американской стали?

Илон Марс, лежа на полу в заклинившем без энергии экзоскелете, сквозь боль и подступающую темноту в глазах, хрипло, торжествующе рассмеялся. Две эпохи великого исхода сошлись на дне марсианского разлома, и теперь ни одна буря не могла стереть то, что они совершили.

Эпизод 4: Эхо угасшего мира

Советский космонавт сидел на краю своей барокамеры, тяжело опираясь руками о рифлёный металл настила. Его движения были медленными, рваными, словно он всё еще преодолевал сопротивление пятидесятилетнего сна. Снятый стальной шлем лежал рядом, и в тусклом желтом свете вольфрамовых ламп его лицо казалось вырезанным из куска мела — тонкие бескровные губы, глубокие складки у рта и седые, свалявшиеся волосы. На вид ему было не больше сорока пяти, но в его глазах застыла усталость человека, пережившего саму свою цивилизацию.

— Меня зовут полковник Алексей Бородин, — тихо произнес он, когда Аня протянула ему гибкую трубку с водой из своего спасательного комплекта. Навигационный компьютер её скафандра ровно, безэмоционально переводил русские слова в наушники экипажа. — Командир инженерного модуля «Ковчег-1». Если вы спрашиваете про пятилетку... значит, Союза

больше нет. Я понял это тридцать лет назад, когда наши автоматические маяки на Земле перестали обновлять коды телеметрии. Нас просто... оставили здесь.

Илон Марс лежал на полу в трех шагах от него. Его карбоновый экзоскелет, лишенный питания, превратился в неподвижную стальную клетку. Старик не мог пошевелить даже кистью руки, но его дыхание через маску скафандра было частым, жадным. Глаза основателя SpaceX горели лихорадочным, победным блеском.

— Семьдесят четвертый... — прохрипел Илон, и его цифровой фильтр выдал очищенный от хрипов звук. — Ракета Н-1. Официально все четыре пуска на Байконуре закончились взрывами. Как вы улетели, Бородин?

Космонавт сделал короткий глоток, его кадык судорожно дернулся. Он посмотрел на Илона, переводя взгляд на эмблему частной американской компании на его плече.

— Пятый пуск был секретным, — ответил Бородин, и на его бледном лице проступила горькая усмешка. — Когда американцы высадились на Луну, Кремлю нужен был не просто реванш. Нужен был абсолютный шаг вперед. Программу возглавил Глушко после Королева. Они модернизировали носитель, заменили двигатели. Мы стартовали ночью, в режиме полного радиомолчания с неофициальной площадки на Дальнем Востоке. Три корабля. Сто пятьдесят человек. Мы летели сюда не исследовать, старик. Мы летели строить Марсианскую Советскую Республику. Красная планета должна была стать буквально красной.

— Но что случилось с остальными? — Аня подошла ближе, её лазерный сканер зафиксировал две соседние капсулы, внутри которых покоились иссохшие, покрытые инеем тела. — Почему вы один?

— Радиация и реголит, — Бородин опустил голову, и его широкие плечи в тяжелом скафандре СК-100 вздрогнули. — Мы не знали про глобальные пылевые бури такого масштаба. Наша электроника была аналоговой, надежной, но тяжелые ионы выжгли навигационные блоки первой базы в равнине Хриса. Начался падеж систем жизнеобеспечения. Вода... мы не смогли очистить её от перхлоратов на старых фильтрах. Люди начали умирать от отказа почек один за другим. Наш экипаж ушел сюда, в лавовые трубки, спасаясь от солнечного шторма. Мы законсервировали этот модуль, надеясь, что с Земли придет автоматический грузовик со сменными блоками регенерации. Мы легли в ксеноновый сон. Мой штурман и бортинженер... их капсулы дали течь тридцать лет назад, когда отключился основной реактор. Я остался один. Я спал и слушал, как мой передатчик бьет в пустоту азбуку Морзе. Пятьдесят лет тишины. И тут сверху падает ваша стометровая стальная башня.

В этот момент рация на поясе Ани ожила. Сквозь помехи и грохот оседающей пыли на поверхности раздался чистый, ликующий голос Лео из кабины вездехода.

— Илон! Аня! Мы сделали это! — кричал пилот, тяжело дыша. — «Итака» выдала идеальный импульс холодного газа! Мы сдули пламя с разгерметизированного отсека «Браге». Доктор Вэнс жив! Его скафандр заварили ремонтной пеной прямо на аппарели, он уже в надувном модуле, его состояние стабильное! Все тридцать колонистов с аварийного борта эвакуированы в первый купол! Мы спасли продовольствие, Илон! Флот держится!

Аня облегченно закрыла глаза, почувствовав, как по её щеке катится слеза, размазывая техническую пыль. Земляне выстояли на поверхности.

Ян Ковальски подошел к заклинившему экзоскелету Илона Марса и с помощью ручной гидравлической струбцины начал аккуратно разжимать фиксаторы на его груди, освобождая старика из стального плена.

— Слышал, старик? — Ян улыбнулся, вытаскивая исхудавшее тело Илона на мягкий термомат. — Твой Вэнс жив. Твоя флотилия удержала плацдарм.

Илон Марс слабо кивнул. Его аккумулятор был мертв, его экзоскелет остался лежать грудой карбона на полу советского корабля, но сам 95-летний инженер сейчас чувствовал себя сильнее, чем когда-либо на Земле. Он посмотрел на Алексея Бородина, затем на Аню и Яна.

Перед его глазами на внутреннем экране шлема, подпитываемом резервной батареей, разворачивалась новая геологическая карта. Лавовая трубка, в которой они находились, тянулась под поверхностью равнины Утопия на сотни километров. Это были готовые, созданные самой природой подземные города, защищенные от радиации, метеоритов и бурь трехметровым слоем базальта. Им больше не нужно было строить хрупкие стеклянные купола на поверхности и дрожать при каждой вспышке на Солнце. Советская экспедиция пятидесятилетней давности погибла, но она указала им путь к истинному дому.

— Ян... помоги полковнику подняться, — тихо произнес Илон Марс, приподнимаясь на локте. — Лео, готовь спасательную люльку к подъему. Мы возвращаемся в лагерь. Нам нужно переписать все наши инженерные планы. У нас теперь есть не только реакторы, у нас есть первый гражданин Марса, который научит нас, как здесь выживать.

Спустя час спасательная корзина Cybertruck-X медленно поползла вверх, унося из черной бездны разлома двух стариков — одного из угасшего двадцатого века, и другого, прорубившего окно в двадцать первый. Над равниной Утопия постепенно утихала великая пылевая буря, обнажая первые, робкие лучи холодного марсианского солнца. Первая часть их космической Одиссеи была завершена. Человечество пришло на Марс навсегда, разжав стальные оковы старой Земли.

Глава 5: Архитекторы лавы

Эпизод 1: Чертежи на реголите

Месяц спустя равнина Утопия изменилась до неузнаваемости. Буря окончательно утихла, оставив после себя разреженный, звенящий от холода воздух и неестественно чистое, розовато-рыжее марсианское небо, на котором даже днем можно было разглядеть блеклые искры спутников Starlink. На поверхности, вокруг величественной стальной башни «Итаки», теперь высился целый палаточный мегаполис: десятки надувных вектрановых модулей были соединены между собой жесткими гофрированными рукавами переходов. Но вся эта наземная инфраструктура была лишь фасадом. Настоящая жизнь уходила вниз, в черную пасть тектонического разлома.

Илон Марс сидел в центральном стратегическом куполе лагеря. Его новое кресло-ложемент было разработано Яном Ковальски из уцелевших деталей разбившегося «Зенита» и подключено к резервной энергосети. Старик выглядел еще более истощенным, его кожа напоминала пергамент, но марсианская гравитация в 0.38g действительно подарила его 95-летнему сердцу второе дыхание. Он больше не нуждался в постоянных дозах адреналина, хотя карбоновый экзоскелет все еще оставался его единственной возможностью удерживать спину прямо.

Перед ним на массивном круглом столе развернулась колоссальная трехмерная голограмма. Это была детальная лазерная съемка подземной лавовой трубки, которую Аня исследовала последние тридцать дней. Миллиарды зеленых точек формировали каркас исполинской подземной галереи, уходящей на сорок километров на восток от места падения грузового «Атланта».

— Мы не можем просто перенести туда людей, Илон, — Лео стоял у края стола, его лицо за этот месяц осунулось, а на лбу появилась глубокая вертикальная морщина. — Да, базальтовый свод толщиной в пять метров полностью защищает от радиации. На дне пещеры радиационный фон такой же, как в Бока-Чика. Но там мертвый холод — минус сто двадцать градусов. Нам нужно колоссальное количество энергии, чтобы просто согреть этот объем до приемлемых плюс пятнадцати. Один уцелевший реактор «Атланта» выдает всего сорок киловатт. Этого едва хватает на освещение и гидропонику «Итаки».

— Энергия... лежит у вас под ногами, капитан, — раздался глухой, спокойный голос из темного угла купола.

Алексей Бородин, советский полковник из ушедшего двадцатого века, подошел к столу. На нем был простой серый комбинезон SpaceX, но на груди он упрямо закрепил свою старую,

очищенную от ржавчины звезду Героя Советского Союза. За месяц его организм, привыкший к марсианской атмосфере за время первой экспедиции, полностью восстановился. Его серые глаза смотрели на голограмму с профессиональным хладнокровием советского военного инженера.

— Полковник прав, Лео, — Аня ворвалась в купол, таща за собой тяжелый пластиковый контейнер с образцами грунта. Её скафандр был покрыт слоем свежей бурой грязи — невероятное зрелище для Марса. Она с грохотом опустила контейнер на пол и сорвала герметичный шлем. — Мы провели бурение в трех километрах от «Ковчега-1». На глубине восьмидесяти метров под дном лавовой трубки начинается зона базальтового расплава. Это тектонический карман. Марс не полностью мертв изнутри, его недра еще сохранили остаточное тепло. Если мы пробурим туда геотермальные скважины, используя наши тяжелые плазменные установки с «Итаки», мы получим неограниченный источник тепла и перегретого пара. Мы сможем запустить турбины генераторов без всякого ядерного топлива.

Илон Марс медленно поднял руку, и его пальцы коснулись панели управления голограммой. Нейроинтерфейс в его затылке мягко зажужжал, обрабатывая расчеты геолога.

— Советский проект «Марс-74» планировал именно это, верно, Алексей? — старик посмотрел на Бородина. — Вы ведь не просто так сели именно в этом разломе. Ваша Н-1 не промахнулась. Вы шли по чертежам моего деда.

Бородин коротко кивнул, его губы сжались в тонкую линию.

— Джошуа Халдеман передал нашему конструкторскому бюро детальные карты тепловых аномалий Утопии еще в пятьдесят шестом, — тихо ответил полковник. — Он вычислил их по возмущениям магнитного поля Земли и старым астрономическим снимкам. Мы знали, что здесь есть тепло. Наш «Ковчег-1» должен был стать первой тепловой станцией. Но у нас не было ваших плазменных буров, Илон. Мы ковыряли эту мерзлоту стальными коронками, которые тупились через каждые два метра. Из-за этого мы и потеряли время. Замерзли, пока ждали запчасти с Земли.

— Теперь у нас есть буры, — жестко произнес Илон Марс, и его глаза блеснули прежним фанатичным огнем. — И у нас есть тысяча человек, которые не хотят сдохнуть на поверхности во время следующей солнечной вспышки. Лео, объявляй общий сбор инженерных бригад. Ковальски — на плазменный бур. Аня — координация точек прокола. Мы начинаем проект «Новая Итака». Первую геотермальную шахту Марса.

Внезапно из динамиков внешней связи, транслирующих обстановку во втором жилом модуле, раздался нарастающий шум, крики и звон бьющегося стекла. Это был не технический сбой. Это был человеческий бунт.

— Илон! — в купол ворвался доктор Дик Вэнс, его рука была на перевязи после взрыва на «Браге», а лицо горело от гнева. — Тебе нужно идти туда. Во втором куполе драка. Парни из логистической группы заблокировали распределительные шлюзы с продовольствием. Они узнали, что ты собираешься заставить их спускаться в разлом на тяжелые подземные работы. Они кричат, что SpaceX обманула их, что в контрактах не было ни слова о трехкилометровых шахтах и жизни в пещерах как крысы. Они требуют запустить обратные двигатели «Итаки» для возвращения на Землю, пока метан еще не весь стравлен!

Лео резко повернулся к выходу, его рука инстинктивно легла на кобуру с монтажным пистолетом. Но Илон Марс остановил его коротким, леденящим жестом.

— Оставь инструмент, капитан, — старик медленно, преодолевая сопротивление гидравлики экзоскелета, поднялся со своего ложемента. — Земляне думают, что они прилетели в отель Илона Маска. Они забыли, что они на Одиссее. Алексей, пошли со мной. Им нужно показать человека, который провел в этой пещере пятьдесят лет и не сломался. Посмотрим, хватит ли у них смелости смотреть тебе в глаза и выть о своих контрактах.

Эпизод 2: Железный закон

Во втором жилом модуле вектранового городка стоял сплошной, яростный гул человеческих голосов. Воздух здесь был перегрет, пах кислым сублимированным супом и немытыми телами. Около сотни колонистов — в основном молодые операторы погрузчиков, техники и снабженцы — сгрудились у массивного гермозатвора продовольственного склада. В руках у некоторых были тяжелые титановые монтировки и куски кабелей. Напротив них, бледный и прижимающий к груди раненую руку, стоял доктор Дик Вэнс, безуспешно пытавшийся воззвать к их разуму.

— Мы не рабы SpaceX! — орал из толпы высокий, широкоплечий парень в порванном комбинезоне логиста. Это был Дэнни Миллер, неформальный лидер недовольных. — В наших контрактах было написано: «Развертывание модулей на поверхности и терраформирование»! Никто не подписывался лезть в эту трехкилометровую могилу на дне разлома! Там радиация, там ледник, там всё готово рухнуть нам на головы! Мы требуем перерасчета ресурсов и подготовки двух «Старшипов» к обратному старту. Метана на «Кеплере» хватит, чтобы уйти на орбиту возвращения!

Толпа одобрительно взревела, кто-то ударил монтировкой по стальной переборке шлюза.

В этот момент тяжелая пластиковая штора входного тамбура с тихим свистом отъехала в сторону. В модуль вошел Илон Марс.

Шум мгновенно утих, сменившись тяжелым, прерывистым сопением. Старик двигался медленно, каждый шаг его заклинивающего экзоскелета отзывался сухим гидравлическим щелчком. Но его взгляд, обводящий толпу, был настолько холодным и безжалостным, что Дэнни Миллер невольно сделал шаг назад. За спиной Илона, словно каменная глыба, высился полковник Бородин. Его серый комбинезон с советской золотой звездой на груди выглядел странно, но его выправка и шрамы на обветренном лице говорили о дисциплине лучше любых слов.

— Обратный старт? — тихо, почти шёпотом произнес Илон Марс. Цифровой микрофон разнес его надломленный голос по всему куполу. — Миллер, ты хочешь вернуться? К чему? К планете, которая через пять лет сожрет сама себя в ядерной или экологической бойне? Ты думаешь, на Земле тебя кто-то ждет? Для них мы — мертвецы, которые улетели на ковчеге. Там наши счета аннулированы, наши дома конфискованы за долги, а SpaceX объявлена вне закона международными регуляторами. Назад дороги нет. Физически нет. Метан с «Кеплера» пойдет на обогрев этого купола, в котором ты сейчас стоишь и скулишь как ребенок.

— Вы лжете! — выкрикнул Миллер, хотя его голос заметно дрогнул. — Вы просто хотите закопать нас под землю, чтобы скрыть свои инженерные просчеты! Флот поврежден, радиационный щит на поверхности не держит удары!

— Щит на поверхности не держит, потому что атмосфера Марса слишком разрежена, — вперед шагнул Алексей Бородин. Его голос, переводимый компьютером, звучал раскатами грома. — Я похоронил здесь сто сорок своих товарищей пятьдесят лет назад. Мы тоже думали, что сможем жить под куполами на поверхности. Мы тоже строили красивые стеклянные теплицы. А потом пришел шторм класса X и выжег наш костный мозг через эти купола за трое суток. Те, кто не хочет идти под защиту базальта, могут оставаться здесь. Но через полгода, когда начнется весенний пик солнечной активности, доктор Вэнс устанет вырезать ваши раковые опухоли.

Полковник подошел к Миллеру вплотную, и парень под его тяжелым взглядом опустил монтировку.

— На Марсе есть только один закон — железный закон выживания, — отчеканил Бородин. — Или мы вгрызаемся в эту лаву и строим дом, который простоит тысячу лет, или мы аккуратно ложимся в реголит и освобождаем место для тех, у кого хватит мужества продолжить. Третьего пути этот мир вам не даст.

Илон Марс удовлетворенно кивнул и повернулся к Лео:

— Разблокировать склады. Выдать всем двойной рацион сублиматов. Через два часа первая инженерная бригада спускается на дно разлома. Миллер, ты пойдешь в первом ряду, на ручную фиксацию буровой станины. Покажешь парням свои плечи в деле. Либо ты архитектор этой планеты, либо ты балласт. А балласт на Марсе долго не живет.

Спустя три часа на дне трехкилометровой лавовой трубки, прямо за поврежденным корпусом «Атланта», начался ад. Гигантский плазменный бур SpaceX, демонтированный с технической палубы «Итаки», был установлен на мощные титановые растяжки. Ян Ковальски, стоя на высокой технологической платформе, затянул ремни своего сварочного шлема. Его скафандр был подключен к уцелевшему ядерному реактору напрямую через распределительный щит.

— Аня, дай координаты точки прокола! — крикнул Ян в микрофон, удерживая руку на массивном рычаге запуска плазмотрона.

— Три метра левее базальтового наплыва, Ян! — Аня стояла чуть поодаль, её лазерный сканер непрерывно прощупывал толщу ледника под их ногами. — Там толщина базальта минимальна, под ней начинается геотермальный карман. Внимание всем, закрыть светофильтры! Начинаем прожиг!

Ян рванул рычаг на себя.

Из сопла бура с оглушительным, ревущим свистом вырвался ослепительно-фиолетовый луч высокотемпературной плазмы. Температура на срезе факела достигала десяти тысяч градусов Цельсия. Древний марсианский базальт, скованный миллиардолетним льдом, мгновенно затрещал. Во все стороны полетели брызги расплавленного, светящегося жидкого камня, которые тут же застывали в разреженном воздухе пещеры черным стеклом.

Удары бура отзывались в стенах лавовой трубки тяжелым, тектоническим эхом. Шахта уходила вглубь: пять метров, десять, двадцать... Миллер и ребята из его бригады, тяжело дыша в своих раздувшихся скафандрах, едва успевали менять изношенные титановые фиксаторы, крепящие ревущую махину к стенам. Никто больше не спорил. Страх перед ледяным космосом наверху и яростная энергия старика Илона заставили этих людей работать на пределе человеческих возможностей.

На сороковом метре проходки звук бура резко изменился. Вместо глухого, дробящего скрежета раздался протяжный, свистящий шипящий звук.

— Ян, стой! Отсекай плазму! — истошно закричала Аня, глядя на экран своего планшета, где датчики давления внезапно зашкалили, окрасившись в фиолетовый цвет. — Мы пробили верхний купол кармана! Идет выброс!

Ковальски ударил по кнопке аварийного стопа. Фиолетовый луч погас, но из пробитого отверстия диаметром в полметра с оглушительным свистом вырвался колоссальный гейзер плотного серого газа. Это был не углекислый газ и не водяной пар. Газ был горячим — датчики Ани мгновенно зафиксировали температуру в плюс девяносто градусов.

— Аня, что это?! — Лео подбежал к ней, прикрывая рукой забрало шлема от бьющей струи.

Девушка судорожно вглядывалась в бегущие строки химического анализатора. Её руки в толстых перчатках дрожали так, что она едва не выронила прибор.

— Это... этого просто не может быть, — прошептала она, и её голос услышали все в общей сети, включая Илона Марса в верхнем лагере. — В составе газа тридцать процентов чистого азота, сорок процентов водяного пара и... и следы тяжелых органических соединений. Метан, этан, аминокислоты. Марс не просто греет нас изнутри, Лео. В этих подземных полостях запечатана древняя биосфера планеты. Там, внизу, под этим льдом, течет жидкая, теплая вода. Мы пробили дверь в подземный океан.

Из глубин пробитой скважины, сквозь свист вырывающегося горячего пара, рации колонистов вдруг поймали странный, низкий, вибрирующий гул. Он не был похож на азбуку Морзе

советского передатчика. Это был ритмичный, живой звук, словно где-то глубоко под марсианской корой дышало колоссальное, проснувшееся от полувекового сна существо.

Эпизод 3: Дыхание Бездны

Горячий серый пар прибывал с пугающей скоростью. Столб подземных газов, вырывающийся из сорокаметровой скважины, уже упирался в свод лавовой трубки, раскидывая во все стороны плотные белые хлопья искусственного тумана. Влага, которой на Марсе не видели на протяжении миллионов лет, мгновенно конденсировалась на холодных базальтовых стенах пещеры. Ледник, запечатывавший «Ковчег-1» и удерживавший поврежденную платформу «Атланта», отозвался зловещим, глухим скрежетом. Он начал плавиться.

— Ян! Миллер! Закрепить станину бура! — Аня перекрикивала свист пара, её скафандр SpaceX мгновенно покрылся крупными каплями воды. — Температура воздуха в пещере поднялась до минус двадцати градусов и продолжает расти! Если ледник под опорами «Атланта» поплывет, вся эта многотонная махина рухнет прямо в пробитую шахту!

Ян Ковальски уже работал на износ. Его сварочный аппарат непрерывно выбрасывал ослепительные синие искры: он намертво приваривал дополнительные стальные распорки от корпуса грузовика к коренной породе разлома. Дэнни Миллер, еще три часа назад собиравшийся бунтовать, теперь наваливался всем своим немалым весом на гидравлические домкраты, загоняя титановые штыри в базальт. Лица парней под забралами шлемов были багровыми от тяжелейшей физической работы в условиях вернувшегося веса.

В верхнем стратегическом куполе Илон Марс и полковник Бородин молча всматривались в бегущие графики телеметрии. Экран Илона пульсировал зелеными и красными изолиниями, фиксируя резкое изменение теплового баланса всей равнины Утопия.

— Это не просто карман, Алексей... — прохрипел старик, и его бледные губы задрожали. Через нейроинтерфейс он чувствовал, как под марсианской корой, на глубине сотен метров, пришел в движение колоссальный объем жидкой среды. — Мои симуляции в Бока-Чика... мы рассчитывали потратить сто лет на то, чтобы растопить полярные шапки и насытить атмосферу углекислым газом для парникового эффекта. А этот мир... он всё это время держал тепло внутри себя. Как закипающий котел, запертый ледяной крышкой. Мы просто пробили эту крышку.

— Вопрос в том, Илон, что именно мы разбудили, — Бородин стоял, скрестив руки на груди, его взгляд был прикован к аудиоанализатору, который продолжал фиксировать низкий, ритмичный гул из скважины. — Проект «Марс-74» предполагал наличие подповерхностных геотермальных вод. Но наши химические лаборатории в семидесятых никогда не находили следов тяжелых органических соединений в марсианском грунте. Аминокислоты... этан... Это не просто теплая вода. Это бульон. Древний, законсервированный суп, в котором когда-то зародилась жизнь на этой планете. Или... в котором она всё еще существует.

— Нам нужен зонд, — Илон Марс резко повернулся к Лео, стоявшему у пульта связи. — Капитан, сними с «Итаки» один из резервных оптических навигаторов. Тот, что с лазерным сканером высокого разрешения и титановым корпусом. Смонтируйте его на термостойкий трос и спускайте в скважину. Я хочу видеть, что там, на дне этого прокола. Прямо сейчас.

— Сэр, этот навигатор — наша последняя резервная копия для орбитальной корректировки флота! — Лео попытался возразить, но под жестким, не терпящим возражений взглядом 95-летнего инженера мгновенно осекся. — Принято. Инженерная группа уже готовит беспилотную капсулу. Спуск займет пятнадцать минут.

Спустя полчаса на дне лавовой трубки Аня и Ян зафиксировали на срезе скважины тяжелый металлический цилиндр — импровизированный глубоководный зонд SpaceX, собранный из деталей космической навигации. Трос лебедки, покрытый слоем термостойкого силикона, медленно пополз вниз, уходя прямо в ревущую паровую струю.

Картинка на главном проекторе Илона Марса сначала была сплошным калейдоскопом из серых помех и водяных брызг. Зонд падал сквозь сорокаметровую толщу пробитого базальта. Пятьдесят метров... семьдесят... восемьдесят.

Внезапно датчик давления на приборной панели Ани резко подпрыгнул, а температура за бортом зафиксировалась на отметке плюс сорок два градуса Цельсия. Серый туман на экране мгновенно исчез, сменившись удивительной, пугающей прозрачностью жидкой среды. Зонд прошел сквозь паровую пробку и погрузился в воду.

Вся рубка управления на поверхности и инженерная бригада в пещере одновременно ахнули.

На экране развернулась панорама колоссального подповерхностного океана. Это не была темная, мертвая бездна. Вода, зажатая между многокилометровыми базальтовыми слоями марсианской коры, слабо светилась собственным, бледно-зеленым неоновым светом. Источником этого свечения были огромные, растянувшиеся на сотни метров колонии хемосинтезирующих бактерий, облепивших черные выходы геотермальных источников на дне. Вода буквально кипела жизнью на микробиологическом уровне.

Но лазерный сканер зонда зафиксировал кое-что еще. Прямо по центру подземного грота, на глубине двухсот метров под ледником, на базальтовом уступе лежал огромный, идеальной геометрической формы дискообразный объект из темного, неизвестного металла, покрытый толстым слоем окаменевших донных отложений. От этого диска во все стороны расходились массивные, полые титановые трубы, которые уходили глубоко в стены пещеры — туда, где когда-то располагались советские буровые установки проекта «Марс-74».

Низкий, ритмичный гул, который рации колонистов ловили как радиошум, шёл именно от этого диска. Это был работающий на протяжении миллионов лет геотермальный насос неизвестной, нечеловеческой цивилизации. И советская экспедиция 1974 года знала об этом.

Алексей Бородин медленно подошел к экрану и коснулся пальцем темного силуэта диска на голограмме.

— Вот почему мы не вернулись на Землю, Илон, — тихо, со страшным надрывом сказал советский полковник. — Мой штурман и командир базы... они не от радиации умерли. Они спустились сюда первыми, без скафандров высокой защиты, думая, что нашли подземный рай. Этот насос... он перекачивает не просто воду. Он поддерживает стабильность марсианского ядра. И когда наши инженеры попытались подключить к нему советские дизель-генераторы, чтобы снять энергию, система выдала обратный тектонический удар. Равнина Хриса ушла под землю за одну ночь, похоронив основную базу Союза. Мы запечатали этот разлом и легли в анабиоз, чтобы никто на Земле никогда не узнал, что Марс — это не планета. Это обитаемая машина. И мы только что снова включили её зажигание.

Стены лавовой трубки вокруг Ани и Яна внезапно содрогнулись от мощного, глубинного толчка. Лазерный маяк на поверхности «Итаки» замигал красным: датчики зафиксировали первое в истории современных наблюдений марсотрясение магнитудой четыре балла. Великая Одиссея SpaceX окончательно превратилась в битву за выживание с древними механизмами Красной планеты

Эпизод 4: Первое облако

Стены лавовой трубки стонали. Базальтовые плиты, веками сжатые ледяными тисками, теперь расширялись от нарастающего тепла гейзера. С потолка, с высоты тридцатиэтажного дома, начали срываться первые крупные осколки породы. Они с глухим, пушечным грохотом рушились на ледник, вздымая тучи ледяной крошки и ржавой пыли.

— Ян, Аня, убирайтесь оттуда! — Лео орал в микрофон рубки «Итаки», его пальцы судорожно фиксировали новые толчки на сейсмографе. — Магнитуда растет! Свод над «Ковчегом-1» дает сквозные трещины! Через пять минут вас там завалит к чертям!

Ян Ковальски не слушал. Он висел на страховочном фале прямо над пробитой скважиной, одной рукой вцепляясь в металлическую станину бура, а другой — отчаянно затягивая стопорные гайки на герметичном оголовке. Горячий пар под давлением в пять атмосфер бил ему прямо в грудную пластину скафандра, индикаторы костюма SpaceX бешено мигали фиолетовым, предупреждая о критическом перегреве внешних слоев композита.

— Если я не закрою этот клапан, Миллер, — прохрипел Ян, и его пот заливал внутреннее стекло шлема, — лед под «Атлантом» превратится в кашу за три минуты! И тогда наши уцелевшие ядерные реакторы ухнут в этот подземный океан! Мы останемся без связи и без света! Держи кабель, Дэнни!

Миллер, упершись тяжелыми ботинками в крошащийся край базальтового уступа, тянул трос лебедки изо всех сил. Его скафандр SpaceX работал на пределе, сервоприводы экзоскелета натужно выли от марсианской гравитации, которая сейчас казалась тяжелее земной. В этот момент огромный кусок льда весом в полтонны откололся от борта советского модуля и с грохотом рухнул в провал, едва не задев Яна.

Аня в двухдесяти метрах от них судорожно вытягивала кабель глубоководного зонда. На её планшете все еще ползли уникальные данные лазерного сканирования древнего диска, скрытого под водой. Низкий, живой гул инопланетного механизма вибрировал в её подошвах, передаваясь через коренную породу планеты. Этот звук пугал и завораживал одновременно — Марс дышал, и они были теми, кто заставил его сделать этот глубокий, судорожный вдох.

— Илон! — крикнула Аня в общую сеть, пытаясь перебить грохот обрушения. — Мы должны остановить бур! Тектонический удар, о котором говорил Бородин, уже начинается! Планета отторгает наш прокол!

В верхнем стратегическом куполе 95-летний Илон Марс сидел неподвижно, зажатый в своем кресле-ложементе. На его дисплее, подключенном напрямую к нейроинтерфейсу, горела трехмерная модель всей равнины Утопия. Он видел, как от их крошечной скважины во все стороны — словно паутина на треснувшем стекле — расползались линии подземного напряжения. Но старик видел и другое: датчики давления во временных куполах на поверхности уже начали фиксировать рост плотности марсианского воздуха. Газ, вырывающийся из глубин, менял планету прямо сейчас.

— Нет, — тихо, но с абсолютной, леденящей непреклонностью произнес Илон Марс. Его багровые от лопнувших сосудов глаза отражали сияние экранов. — Мы не остановимся. Алексей... твой Союз проиграл здесь, потому что они испугались масштаба. Они запечатали разлом и легли спать, надеясь, что Земля решит их проблемы. Но Земля больше ничего не решит. Мы не вернемся назад. Если этот мир — машина, то мы станем его новыми машинистами. Ян, не закрывай клапан полностью! Направь излишки пара через выхлопной коллектор «Атланта» вверх, в общую вентиляционную шахту разлома. Пусть планета стравливает давление в атмосферу!

Бородин, стоявший рядом со стариком, медленно опустил руки. На его суровом лице советского полковника проступило выражение жуткого, понимающего уважения. Этот 95-летний американец был безумнее, чем все генералы и конструкторы Политбюро семидесятых вместе взятые. Он готов был рискнуть жизнями тысячи колонистов первой волны ради того, чтобы заставить запустить двигатели мертвой планеты.

— Это безумие, Илон... — негромко сказал Бородин. — Ты пробиваешь дыру в котле.

— Котел всё равно взорвется, Алексей, если мы не дадим ему выход, — ответил Марс. — Ян, выполняй! Это приказ Основателя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.